

Михаил Туган-Барановскій.

Земельная реформа.

Очерк движенія в пользу земельной реформы
и практические выводы.

ИЗДАНИЕ

редакціи журнала „Мір Божій“.

1-ый Ленинградский
Юридический Институт

БИБЛИОТЕКА

~~БИБЛИОТЕКА СТАТИСТ.
КАБИНЕТА ИМПЕ. УНИВ.~~

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1905.

31.04.74

84.74

СПбГУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У нас одно время очень интересовались деревней. Затѣм, интерес этот ослабѣлъ, и русское общество какъ будто забыло о мужикѣ. Однако, крестьянское земледѣльческое населеніе продолжало составлять главную массу русскаго народа, и вот, мы совершенно внезапно очутились нынѣ лицомъ к лицу с аграрнымъ вопросомъ в самой острой формѣ. О деревнѣ опять всѣ заговорили.

Моя небольшая книга имѣетъ дѣло не с аграрнымъ вопросомъ вообще, а лишь с частью этого болѣе широкаго вопроса—с вопросомъ о реформѣ землевладѣнія. Я даю очеркъ движенія в пользу земельной реформы в разныхъ странахъ и прихожу к нѣкоторымъ практическимъ выводамъ относительно Россіи. Вмѣстѣ с тѣмъ, я стараюсь освѣтить вопросъ и с теоретической стороны. Уже небольшой

объем книги показывает, что я далек от мысли исчерпать затронутые вопросы; но на самое существенное в переживаемых нами аграрных затруднениях я старался дать определенный отвѣтъ. Предлагаемая мною земельная реформа кажется мнѣ, если не единственным, то, во всяком случаѣ, всего легче осуществимым выходом из этих затруднений.

Автор.

10 іюня 1905 г.
Село Позники.

ГЛАВА I.

Теоретическое вступление.

Труд, земля и капитал составляют, по обычному учению политической экономии, три основных фактора производства. С технической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія матеріальных перемѣн, вызываемых хозяйственным процессом, учение о трех факторах производства не возбуждает никаких сомнѣній. Но если мы посмотрим на хозяйственный процесс, как на дѣятельность общественнаго человѣка, предпринимаемую им ради удовлетворенія его нужд и потребностей, то объединеніе человѣка и орудій его труда в одно общее понятіе факторов производства представится намъ в менѣе невинном видѣ. Человѣкъ есть не средство, или не только средство, но и высшая цѣль хозяйства; земля же и капитал суть простыя хозяйственные средства. И потому приравниваніе человѣка к матеріальным средствам производства есть скрытое отрицаніе права человѣческой личности быть высшей и абсолютной цѣлью в себѣ.

Только в обществѣ, основанном на рабском трудѣ, трудящійся человѣкъ является в общественном сознаніи простым фактором производства, подобно землѣ и капиталу. Для рабовладѣльца только его собственная личность есть истинная человѣческая личность, т.-е., самоцѣль; раб же не есть личность, ибо он простое орудіе производства, как и рабочій скот.

Юридическим выраженіем этого отрицанія личности трудящагося человѣка является в рабовладѣльческом хозяйствѣ право частной собственности на человѣка. Пока закон допускает рабовладѣніе, до тѣх пор правовое сознаніе отрицает право всякой человѣческой личности быть цѣлью в себѣ.

Но рост самосознанія личности неизбежно приводит к паденію рабовладѣльческаго строя. Если рабовладѣлец и не признает личности раба, все же для себя-то раб остается личностью; раб борется за свои права и одерживает побѣду. Право собственности испытывает первое и самое знаменательное, самое принципиальное ограниченіе: человѣческая личность признается правовым сознаніем не средством, но цѣлью в себѣ и в качествѣ таковой объявляется неприкосновенной и автономной. Право собственности на человѣческую личность исчезает.

Право собственности на землю и капитал остается. С чисто формальной, юридической точки зрѣнія право частной собственности на средства производства нисколько не ограничиваетъ правъ человеческой личности. Но по своему экономическому содержанию монопольное владѣніе одной частью общества средствами производства, которыхъ другая часть общества лишена, есть владѣніе личностью человѣка. Ибо жизнь человѣка предполагаетъ потребленіе, а потребленіе предполагаетъ производство — производство же невозможно безъ средствъ производства. И потому человѣкъ, лишенный средствъ производства, съ такой же роковой необходимостью попадаетъ въ экономическую зависимость отъ владѣльца средствъ производства, какъ если бы этотъ послѣдній обладалъ правомъ собственности на трудъ и личность перваго. Юридическая форма владѣнія личностью исчезла, но экономическая сущность такого владѣнія осталась въ полной неприкосновенности.

Тотъ же ростъ самосознанія личности вызываетъ борьбу и съ этимъ новымъ видомъ закрѣпощенія личности трудящагося человѣка. Общественные классы, фигурирующие въ общественномъ процессѣ производства какъ простой факторъ производства, какъ средство, а не какъ цѣль хозяйства, вступаютъ въ борьбу съ владѣльцами средствъ производства и

руководителями хозяйственного процесса. Борьба ведется на два фронта—как с владѣльцами земли, так и с владѣльцами капитала, ибо как земля, так и капитал в равной мѣрѣ необходимы для производства.

Но земля и капитал имѣют между собой одно коренное и неустранимое различіе. Земля противостоит человѣку, как независимый от него виѣшній факт, как сила и дар природы; капитал же создается самим человѣком, есть продукт человѣческаго труда. Территорія данной страны не может быть существенно увеличена никакими усиліями живущих на ней людей; капиталы же, которыми эти люди располагают, могут неограниченно расти и дѣйствительно возрастают по мѣрѣ экономическаго прогресса и успѣхов культуры.

Из этого основнаго различія земли и капитала вытекают многообразныя различія в общественных условіях пользованія тѣм и другим фактором производства. Доход землевладѣльцев — земельная рента—подчиняется совершенно иным экономическим законам, чѣм доход капиталистов — прибыль на капитал. Процент прибыли определяется, двумя моментами: производительностью общественнаго труда и относительной высотой доли капиталистов в общем трудовом продуктѣ. Доли капиталистов и рабочих уста-

х т. е. принцип

хх т. е. принцип

навливаются борьбой этих общественных классов и измѣняются в зависимости от относительнаго могущества каждаго из них. Чѣм выше доля рабочих, тѣм ниже, при прочих равных условіях, доля капиталистов, и обратно. Капиталистическая прибыль есть фактъ всецѣло социальный, она есть цѣликомъ результат частной собственности на капитал.

Напротив, земельная рента, в своем чистом видѣ, в видѣ дифференціальной ренты, законы которой установлены Рикардо, не есть фактъ только социальный, она вызывается не присвое-ніемъ земли в частную собственность, не тѣм, что лишь часть общества владѣетъ землей, которой лишена другая часть общества.

Если бы частной собственности на землю совсѣмъ не существовало, все же участки с лучшей почвой или лучше расположенные давали бы нѣкоторый избыточный доход, сравнительно с худшими участками. По чисто естественнымъ условіямъ земледѣлія одинъ участок даетъ при одинаковой затратѣ труда больше продукта, чѣмъ другой; этотъ избыточный продуктъ образуетъ собой земельную ренту, независимо от того, во чью пользу поступаетъ эта рента—в пользу ли всего общества, или нѣкоторой его части. Присвоеніе земельной ренты землевладѣльцами вызывается

институтом частной собственности на землю; но самый факт возникновенія земельной ренты совершенно независим от этого соціального института и коренится не в соціальных, а в материальных условіях общественнаго существованія.

Другим источником земельной ренты является опять-таки стоящій внѣ общественнаго воздѣйствія естественный закон паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда. При каждомъ данномъ уровнѣ земледѣльской техники существуетъ извѣстный предѣлъ наиболѣе производительной затраты земледѣльческаго труда и всякая послѣдующая затрата труда вызываетъ все меньшее и меньшее увеличеніе продукта, собираемаго съ земли. Иными словами, увеличеніе интенсивности земледѣльской культуры приводитъ, за извѣстнымъ предѣломъ, къ вздорожанію продукта. Если ростъ населенія требуетъ перехода къ болѣе интенсивнымъ культурамъ, то это сопровождается ростомъ цѣны земледѣльческаго продукта и ростомъ земельной ренты.

Такимъ образомъ, ростъ населенія и народнаго богатства создаетъ, съ необходимостью естественнаго процесса, тенденцію къ возрастанію земельной ренты. Ничего подобнаго не замѣчается по отношенію къ проценту прибыли. Хотя обычное мнѣніе, вѣрнѣе, обычный предразсудокъ какъ спе-

ціалістов економічної науки, так і широкої публіки, відносно необхідності падіння процента прибутку по м'яр'у успіхів культури і нев'рно, ібо історическі факти протидіють цьому мн'нію ¹⁾, все же ні о яком неограниченном зростанні процента прибутку не може бути, розуміється, і р'чи. В той час як дань, платима громадою землевласцям, має тенденцію швидко зростати по м'яр'у руху громади вперед, дань, платима громадою капіталістам, в вид' процента прибутку, отнюдь не обнаруживает тенденції к такому зростанню. Це різниця всец'ло пояснюється вказаним різницею землі, як дара природи, і капіталу, як створення людського праці: земля не збільшується в своїй площині по м'яр'у ходу історії, а капітали швидко ростуть. Землі на 1 душу населення стає менше і менше, а капіталу більше і більше. І тому еконо-

¹⁾ Згідно Ейленбургу, дивіденди німецьких акціонерних товариств на 1 акцію визначеної цінності за час 1871—1900 рр. не знизились, а підвищились. За більш же тривалі періоди також не спостерігається падіння процента прибутку—в часи імператора Траяна нормальним процентом в Італії під вірні гарантії можна було вважати, по Моммзену, 5%, а нескільки пізніше 4 і навіть $3\frac{1}{3}\%$ —т.є., з часу римської імперії кредитний процент майже не знизився. Ср. Jahrbücher für Nationalökonomie т. XIX, стр. 283 і т. XXVII, стр. 259.

мическое могущество владѣльца данной площади земли должно исторически возрастать, а экономическое могущество владѣльца капитала данной цѣнности может и падать.

То же различіе земли и капитала приводит и к другому, не менѣ важному различію. Земля не только не создана человѣком, но человѣкъ не может ея и уничтожить. Правда, хищническая культура надолго истощает почву; надолго, но не навсегда. И, кромѣ того, истощает, но не разрушает окончательно. Благодаря этой относительной независимости производительной силы почвы от способа ея эксплуатаціи, собственник земли получает легкую возможность извлекать из земли доход, не принимая никакого участія в руководствѣ земледѣльческим предпріятіем. Отдавая землю в аренду другим лицам, землевладѣлец почти не рискует лишиться своей собственности. Он может жить за тысячи верст от своего имѣнія, не посѣщать его ни разу в жизни, и исправнѣйшим образом получать свой доход; мало того, все увеличивать свой доход по мѣрѣ естественнаго прироста земельной ренты.

Въ другом положеніи находится капиталист; как общее правило, он должен принимать болѣе или менѣ дѣятельное участіе в руководствѣ предпріятіем, если не хочет лишиться своей соб-

ственности, ибо капитал столь же легко разрушается, как и создается руками человека. Правда, отдавая капитал въ ссуду под вѣрное обезпеченіе, капиталист ставит себя в положеніе рентьера; но в этом случаѣ и доход его не возрастает, между тѣм как рента землевладѣльца, как общее правило, быстро растет.

Капиталисты - предприниматели, как класс, отнюдь не могут считаться непроизводительным общественным элементом. Руководительство хозяйственным предпріятіем есть чрезвычайно важная и отвѣтственная хозяйственная функція. Искусный и ловкій предприниматель несомнѣнно увеличивает своей дѣятельностью общую сумму національнаго богатства. Напротив, землевладѣлец, отношеніе котораго к землѣ выражается лишь взиманіем тяжелой дани с земледѣльца, никакого участія в созданіи національнаго богатства не принимает и является, с хозяйственной точки зрѣнія, трутнем, живущим медом, собранным рабочей пчелой.

Формы промышленных предпріятій находятся в тѣсной связи с формами собственности: при господствѣ крупной собственности на капиталъ промышленное производство имѣет крупный характер и обратно. Размѣры капиталистическаго предпріятія, в общем, зависят от степени кон-

центрації капиталов в руках отдѣльных капиталистов ¹⁾). Характер капиталистической собственности и капиталистическаго способа производства взаимно обусловливают друг друга.

Всякое измѣненіе в формах собственности на капитал должно неминуемо сопровождаться измѣненіем форм промышленных предпріятій, способов производства.

Напротив, в области земледѣлія, при широком распространеніи арендной системы, формы собственности на землю теряют всякую непосредственную связь с формами земледѣльческих предпріятій. Земледѣліе может быть мелким, хотя землевладѣніе имѣет форму крупной собственности, хотя земля сосредоточена в руках немногих. Благодаря этому, реформа земельной собственности наталкивается на несравненно меньшія трудности экономическаго характера, чѣм реформа собственности на капитал. Если в странѣ господствует крупное землевладѣніе, а земледѣліе остается мелким, благодаря распространенію мелких аренд, то уничтоженіе крупной земельной собственности и замѣна ея мелкой собственностью на землю не требует какого бы то ни было

---

¹⁾ Акціонерная форма предпріятій ослабляет, но не уничтожает эту зависимость.

измѣненія характера земледѣльческаго производства: послѣднее остается мелким, каким и было. Коренная реформа земельной собственности можетъ быть произведена в этомъ случаѣ безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства. Напротивъ, в случаѣ такой же реформы собственности на капиталъ, преобразованіе формы собственности потребовало бы и коренного преобразованія способа производства и всего народнаго хозяйства. Если бы земля перешла отъ крупныхъ собственниковъ къ государству, то она могла бы попрежнему остаться в арендѣ мелкихъ земледѣльцевъ и форма земледѣльческаго предпріятія, способ земледѣльческаго производства нисколько бы не измѣнился; но если бы весь капиталъ страны сосредоточился в рукахъ государства, то капиталистическій способъ производства, основанный на частномъ предпринимательствѣ, сталъ бы невозможнымъ, и все народное производство потребовало бы организаціи на совершенно новыхъ началахъ.

Итакъ, хотя земля и капиталъ в равной мѣрѣ необходимы для производства, хотя владѣлецъ капитала не менѣе, чѣмъ владѣлецъ земли, обладаетъ экономической властью надъ непосредственнымъ производителемъ и пользуется этой властью для присвоенія доли продукта, вырабатываемаго этимъ послѣднимъ, хотя, словомъ, прибыль капита-

листа точно также, как и рента землевладельца, есть доход, основанный не на трудѣ, а на владѣніи, иначе говоря, на насиліи, все же, в силу естественныхъ различій земли и капитала, реформа земельной собственности несравненно легче технически осуществима, чѣм реформа собственности на капитал. Этимъ и объясняется то, что на ряду с движениемъ, направленнымъ противъ всякой формы нетрудового дохода вообще (соціализмъ), развитіе экономическихъ отношеній нашего времени вызвало и особое движение, направленное спеціально противъ одной формы нетрудового дохода—землевладельческаго дохода. Это послѣднее движение ставитъ своей задачей изъятіе земли тѣмъ или инымъ способомъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и передачу земли государству или общественнымъ учрежденіямъ. Движеніе это существенно отличается отъ соціализма въ томъ отношеніи, что соціализмъ стремится къ коренному преобразованію не только господствующихъ формъ собственности (и притомъ не только на землю, но и на капиталъ), но и господствующаго способа производства—къ замѣнѣ существующей свободы частнохозяйственнаго предпринимательства общественной организаціей труда; движеніе же въ пользу земельной реформы непосредственно ставитъ себѣ несравненно болѣе узкую и легче до-

стижимую цѣль — коренную реформу лишь одного из видов собственности, земельной собственности, с сохраненіем пока существующей свободы частно-хозяйственнаго предпринимательства. Оба движенія безусловно различны, но это не значит, что они должны быть враждебны друг другу; однако, на самом дѣлѣ, между ними нерѣдко наблюдается и прямой антагонизм, по причинам, которыя выяснятся в дальнѣйшем изложеніи.

ГЛАВА II.

Раннее движеніе.

Первым провозвѣстником современнаго движенія в пользу земельной реформы обыкновенно считают Томаса Спенса, бывшаго в молодости учителем в Ньюкастлѣ (в Англіи), а затѣм посвятившаго жизнь агитаціи в пользу этой идеи. Агитація его приняла болѣе энергичный характер и обратила на себя вниманіе англійскаго общества и правительства в тревожное время начала XIX вѣка, хотя Спенс, по его собственному показанію, впервые высказал свою мысль еще в 1775 г., в устном докладѣ, напечатанном значительно позже, в 1796 г., под заглавіем «The meridian Sun of Liberty» («Полуденное солнце свободы»).

В этом докладѣ Спенс доказывает, что всѣ живущіе в данной странѣ имѣют равное право на землю этой страны, какового права они не могут быть лишены людьми, раньше их жившими там же. Поэтому земля естественно должна при-

надлежать всему обществу; захват земли частными собственниками в свою пользу равносителен нарушенію естественныхъ правъ общества. Общество должно поэтому возстановить свое нарушенное право и вернуть себѣ землю. При этомъ земля должна перейти во владѣніе не всего государства в его цѣломъ, но отдѣльныхъ приходовъ, изъ которыхъ состоитъ страна. Каждый приходъ долженъ образовывать собой особую общину, участія в которой можетъ требовать каждый постоянный житель данной мѣстности. Земля общины не должна, однако, обрабатываться сообща ея членами, а должна отдаваться в аренду отдѣльными участками на опредѣленные сроки съ торговъ всѣмъ желающимъ. Получаемыя общиной суммы должны служить для покрытія всѣхъ издержекъ какъ государства, такъ и самой общины. Такимъ образомъ, всѣ существующіе налоги замѣняются, по плану Спенса, арендной платой съ общинной земли.

Суммы, остающіяся за покрытіемъ расходовъ государства и общины, должны ежегодно распределяться поровну между всѣми членами общины. По мнѣнію Спенса, землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе со стороны общины за отчуждаемую у нихъ землю, такъ какъ тѣ лица, которыя впервые присвоили себѣ землю, совершили насильственное похищеніе чужой соб-

ственности, а тѣ, кто получилъ землю по наслѣдству, дару или покупкѣ отъ этихъ первыхъ похитителей, являются укрывателями чужого, не принадлежащаго имъ имущества.

Идеи Спенса приобрѣли извѣстную популярность въ народныхъ массахъ Англіи въ первыя десятилѣтія закончившагося вѣка; правительство утверждало даже, что въ 1817 г. сторонники Спенса подготовляли возстаніе съ цѣлью насильственнымъ путемъ осуществить предполагавшуюся земельную реформу. Но, повидимому, все это возстаніе было только выдумкой правительства для оправданія разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, принимавшихся имъ въ это время крайней политической реакціи.

Черезъ нѣкоторое время, однако, движеніе въ пользу земельной реформы приобрѣло въ Англіи большее общественное значеніе. Въ 30 и 40 годахъ въ этой странѣ развивается до сихъ поръ еще мало изслѣдованное и понятое могущественное народное движеніе чартизма. Чартизмъ быстро достигъ такой силы, что угрожалъ, по мнѣнію очень многихъ, опрокинуть весь политическій и соціальный строй государства, но затѣмъ также быстро пламя чартизма погасло. Соціальной почвой чартизма было крайнее ухудшеніе экономическаго положенія массы англійскаго населенія, вызванное развитіемъ капитализма и тяжелыми промышленными

кризисами 30-ых и 40-ых годов, сопровождавшимися безработицей промышленных рабочих, небывалой по своей продолжительности и огромному распространению. Эта безработица особенно обострилась в концѣ 30-ых и в началѣ 40-ых годов и именно в это время движение чартизма достигло своей наибольшей силы.

По своей политической программѣ чартизм был движением в пользу реформы англійскаго парламента на демократических началах (всеобщее, равное и тайное голосование, отмена имущественнаго ценза для депутатов, однолѣтній парламент и жалованье депутатам—таковы были пункты «хартии»); по своему же экономическому содержанию чартизм был протестом англійскаго рабочаго против новых условій жизни, в которыя он был поставлен промышленной революціей и быстрым ростом фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизм не имѣл, так как различныя группы чартистов выставляли и различныя требованія экономическаго характера. Среди этих требованій огромной популярностью пользовалось и требованіе націонализаціи земли.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движения—огненным и страстным защитником интересов угнетеннаго народа, ирландцем Бронтерром О'Бріеном. Среди всѣх чартистских

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА.

2

вождей О'Бріен был единственным, ясно сознававшим, какія экономическія цѣли могут быть поставлены движенію, если будет достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистскаго движенія О'Бріен, бывшій неутомимым агитатором и журналистом, издавал весьма вліятельный радикальный рабочій орган с ясно выраженной социалистической окраской, «The Poor Man's Guardian» («Страж бѣдняка»). Центральным пунктом экономической программы О'Бріена было, как сказано, требованіе коренной земельной реформы.

Земельная рента чрезвычайно повысилась в Англіи в первыя десятилѣтія XIX вѣка. В то же время, благодаря отмѣнѣ в 1834 году старинных законов о бѣдных, значительно сократились прожившіеся на землевладѣльцев расходы по содержанію бѣдных; бѣдные, получавшіе содержаніе от прихода, должны были, согласно новому закону, жить в рабочем домѣ, представлявшем собой настоящую тюрьму. Нежелавшіе соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли разсматривать, как свое право.

Развитіе промышленности и торговли повело к быстрому росту народнаго богатства в Англіи; но англійскій народ не только не получал от этого никаких выгод, но все глубже погружался в нищету. Естественно было спросить, чѣм же

вызывается эта бѣдность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвѣчает О'Бріен. «Допустите только,—говорит он в своей книгѣ *«The Rise and Progress of Human Slavery»*. («Рост и развитіе человѣческаго рабства»),—чтобы территорія извѣстной страны, созданная Господом для всѣх на ней живущих и их потомков, была куплена отдѣльными лицами или монополизирована другим способом, и ваше общество распадется на тиранов и рабов, плутов, не желающих работать, и вьючных животных, готовых исполнять всякую работу. Никакіе позднѣйшіе законы, никакія самыя искусныя мѣры помощи не улучшат этой системы, в основѣ которой лежит возмутительная несправедливость».

Другой причиной социальнаго неравенства и народной нужды является, по мнѣнію О'Бріена, денежное ростовщичество—процент на капитал. «Наш рабочій класс,—говорит он,—как земледѣльцы, так и промышленные рабочіе уже доведены жадностью хозяев до такого низкаго состоянія, какое только возможно без совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось. Как послѣдній ресурс, это чудовище создало новый закон о бѣдных, чтобы низ-

вести рабочих до самого низкого уровня жизни. Этот закон обращается с жертвами бѣдности так, как в других странах обращаются с осужденными преступниками; этот закон дает одежду преступника, содержаніе преступника и тюрьму преступника изнемогающему челоуѣку, труд котораго обогатил чудовище и вина котораго заключается только в том, что он не задушил чудовище столѣтіе тому назад... Таковы послѣдніе ресурсы промышленной Англіи... Да, мои друзья, новый закон о бѣдных есть послѣдняя кровавая попытка денежнаго чудовища поддержать разваливающееся строеніе этой безчеловѣчной системы—безпощадной и безжалостной системы, дѣлающей вас бѣдняками среди произведеннаго вами самими богатства».

Во главу угла соціальной реформы О'Бріен ставит возвращеніе всему обществу земли, насильственно захваченной землевладѣльцами. Однако, в противность Спенсу, О'Бріен не считает возможным отобрать землю у землевладѣльцев без всякаго вознагражденія. Правда, землевладѣльцы не имѣют на это вознагражденіе никакого нравственнаго права, так как у них отбирается нѣчто, не созданное ими самими. Но все же по соображеніям цѣлесообразности, чтобы не вызывать слишком энергичнаго сопротивленія,

слѣдует вознаградить землевладѣльцев за отчуждаемую землю.

Землевладѣльцам могло бы быть предоставлено, по их усмотрѣнію, сохранять до своей смерти свою землю в своих же руках или же немедленно продать ее государству. Послѣ смерти владѣльца его земля поступает в собственность государства, выплачивающаго наслѣдникам ея полную цѣнность.

Но при этом государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно в полном размѣрѣ. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладѣльцам на эту сумму, ибо процент на капитал основан на такой же эксплуатаціи трудящихся, как и землевладѣльческій доход. Государство вполне исполнит свои обязательства по отношенію к землевладѣльцам, если оно за извѣстный ряд лѣтъ, — напр., за 30 лѣтъ, — погасит цѣликом, но без всяких процентов, покупную сумму земли. В теченіе этих 30 лѣтъ государство будет передавать землевладѣльцам или их наслѣдникам получаемую им ренту с отчужденных участков, а затѣм всѣ обязательства государства по отношенію к прежним землевладѣльцам будут признаны ликвидированными.

Земля, поступающая в распоряженіе госу-

дарства, не должна обрабатываться им за свой счет, но отдаваться, как это предлагал и Спенс, в аренду с торгов желающим. Никто, однако, не должен имѣть права арендовать землю в большем размѣрѣ, чѣм он может ее обработать собственными средствами; передача арендуемых участков должна быть устранена.

Несмотря на обязательства, принимаемые на себя государством по отношенію к землевладѣльцам, переход земли в распоряженіе государства и отдача ея мелкими участками в аренду должны, по мнѣнію О'Бріена, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будет уничтоженіе всѣх налогов—всѣ государственные расходы будут покрываться арендной платой с государственной земли.

Хотя О'Бріен вел неутомимую агитацію за свой план націонализаціи земли, имѣвшій среди чартистов много сторонников, как о том свидѣлствуют многочисленныя резолюціи чартистских митингов в его пользу, план этот не входил в официальную программу партіи до 1852 г., когда чартистское движеніе уже было в упадкѣ и ему остались вѣрны лишь немногіе, наиболѣе крайніе элементы партіи. Вліятельнѣйшій вождь чартистов, Фергус О'Коннор, противопоставил плану націонализаціи земли свой собственный

план аграрной реформы, под знаменем которого и боролись чартисты во второй половинѣ 40-х годов.

О'Коннор, как и О'Бріен, видѣл в аграрном вопросѣ центр соціального вопроса. Вообще, чартизм был, как сказано, протестом англійских рабочих масс против ужасов фабричной системы. Неудивительно, что провозглашенный О'Коннором клич: «Назад на землю»! («Back to the land») встрѣтил такое сочувствіе англійскаго рабочаго, видѣвшаго в фабрикѣ своего главнаго врага. Противопоставленіе голодающей рабочей массы богатым фабрикантам было обычной темой чартистских ораторов. Горячая ненависть к фабричной системѣ, указаніе на губительное вліяніе машин, на ошибочность торговой политики, стремящейся к развитію вывоза, вмѣсто расширенія внутренняго рынка, — всѣм этим были полны столбцы главнаго органа чартистов «The Northern Star» («Сѣверная звѣзда»). Газета эта вела упорную кампанію против «партіи расширенія торговли» и доказывала, что внутренній рынок важнѣе внѣшняго и что именно развитіе внѣшней торговли и вызвало нищету англійских рабочих.

Вмѣстѣ с тѣм О'Коннор и большинство чартистских вождей были горячими поклонниками земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. Обезземеленіе

англійской рабочей массы дѣлало невозможным, по мнѣнію О'Коннора, улучшеніе положенія англійскаго рабочаго, так как скопленіе массы рабочих в городах вызывает при каждом сокращеніи торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата и занятых рабочих падает до самаго низкаго уровня. Пока рабочій рынок в городах не будет освобожден от постоянного наплыва рабочих из деревни, до тѣх пор промышленный рабочій не будет в силах отстоять себѣ сноснаго существованія на фабрикахъ.

Исходя из этих соображеній О'Коннор утверждал, что интересы всей массы англійских рабочих требуют широкаго развитія в деревнѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства. По его мнѣнію, правительство должно было бы заключить заем в 100 мил. ф. ст. (1 милліард рублей) и на эту сумму выкупить у крупных землевладѣльцев землю, достаточную для образованія 1 милліона крестьянских хозяйств. Таким образом значительная часть англійскаго населенія вернулась бы къ земледѣлію, к выгодѣ, как своей собственной, так и тѣх, кто останется в городѣ.

Но так как англійское правительство не обнаруживало никакой наклонности совершить операцію, предлагавшуюся О'Коннором, а вождю чартистов нужно было дать своим послѣдователям

нѣчто осуществимое в ближайшем же будущем, то он скоро отказался от своего первоначального проекта и выступил в началѣ 40-х годов с новым «земельным планом», быстро приобрѣтшим широкую популярность и принятым на конференціи чартистских делегатов в Бирмингамѣ в 1843 г.

Для пропаганды своего аграрнаго плана О'Коннор стал издават особый орган «The Labourer» («Работник»). В этом органѣ он заявлял себѣ рѣшительным врагом коммунизма, но другом кооперации. Онъ враг мелких ферм, сдаваемых в аренду, но друг мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнѣнію, чрезвычайно повысить производительность земледѣльческаго труда, примѣром чего может служить бельгійское крестьянское хозяйство. С земледѣліем должна соединяться и обрабатывающая промышленность. «Жилище каждаго поселенца, во время длинных зимних вечеров, должно стать мѣстом оживленной домашней промышленности. Портной или сапожник не утратят своего искусства оттого, что они научатся обращаться съ лопатой. Они будут выдѣлывать, во время свободное от полевых работ, разныя издѣлія для продажи». Вообще же земледѣліе, а не промышленность, должно стать основаніем общественнаго хозяйства и давать занятіе большей части населенія.

Самый «земельный план» О'Коннора заключался в слѣдующем. Рабочіе должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подпискѣ 2 тысячи ф. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операціи. Оно покупает землю, разбивает ее на мелкіе участки, строит на каждом участкѣ дома и сельскохозяйственныя постройки, снабжает участки инвентарем, необходимым для сельскаго хозяйства. Жребій рѣшает, кому из членов общества достаются эти участки. Владѣльцы участков уплачивают обществу 5% с цѣнности своих участков, построек и инвентаря. Общество закладывает пріобрѣтенную землю, покупает на вырученную сумму новую землю, которую опять распредѣляет по жребію между участниками, снова закладывает и т. д.

Рабочіе горячо отозвались на призыв О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14-го марта 1846 г. земельная ассоціація пріобрѣла первое имѣніе для разбивки его на мелкіе участки. За первый годъ существованія ассоціаціи ей удалось собрать с рабочих для покупки земли 11.678 ф. с. (около 111. тысяч р.).

Успѣх подписки побудил О'Коннора нѣсколько измѣнить свой план. А именно, вмѣсто закладыванія пріобрѣтаемыхъ имѣній, было рѣшено основать свой собственной земельный банк, который

должен был привлекать от публики деньги под залог земельной собственности ассоціаціи.

Если вспомнить, что весь этот план насажденія крестьянскаго хозяйства на собственные средства рабочих безъ всякой помощи от государства предлагался полуничимъ англійскимъ фабричнымъ рабочимъ сороковыхъ годов, то можно оцѣнить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный план имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. Изстрадавшійся фабричный рабочій устремился за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англіи крестьянскаго хозяйства. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ крупную сумму в 94.184 ф. с. при чемъ число подписчиковъ превзошло 100 т. чел. Нѣсколько имѣній было куплено и разбито на мелкіе участки.

Неизбѣжное крушеніе этого предпріятія было ускорено правительствомъ. Присужденіе земельных участков путемъ жребія было признано незаконной лоттереей. Рабочіе потеряли свои деньги, а вмѣстѣ съ «земельнымъ планомъ» О'Коннора рухнулъ и чартизмъ. Чартистскіе вожди попытались тогда выставить другой лозунгъ—націонализаціи земли,—но время чартизма уже миновало, и движеніе быстро угасло подъ вліяніемъ наступившаго в 50-хъ годахъ

общаго улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса.

Чартизм не вызвал никакой аграрной реформы, однако идея ея отнюдь не умерла.

Ни один экономист послѣ Рикардо не пользовался в Англїи таким всеобщим признаніем и уваженіем, как Джон Стюарт Милль. Его «Основанія политической экономіи» остаются и по настоящее время—через много десятилѣтій послѣ их написанія — классическим и, быть может, всего болѣе читаемым руководством экономической науки. И вот этот вліятельнѣйшій и авторитетнѣйшій представитель буржуазной политической экономіи обнаружил самым недвусмысленным образом сочувствіе идеѣ коренной реформы частной собственности на землю.

«Земля, — говорит Милль в своем извѣстном курсѣ—не создана никѣм из людей, она коренное наслѣдіе человѣческаго рода. Ея присвоеніе частными лицами—исключительно вопрос общей пользы. Когда частная собственность на землю невыгодна для общества, она несправедлива. Лишить человѣка участія в том, что произведено другими, не значит поступить с ним жестоко; другіе не были обязаны производить для него и он ничего не теряет, не получая доли из того, что вовсе не существовало бы, если бы не было про-

изведено трудом других. Но должно назвать жестоким положеніе того, кто, родившись на свѣт, находит, что всѣ дары природы уже захвачены другими, не оставившими мѣста новому товарищу... Поземельная собственность не похожа на другіе роды собственности, это понимают даже упорнѣйшіе защитники ея прав... Право землевладѣльцев на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ. Принцип собственности вовсе не дает им права на землю, а дает только право на вознагражденіе за ту часть получаемых ими от земли выгод, которую государство по своим надобностям найдет полезным взять у них».

По мнѣнію Милля, государство имѣет право совершенно свободно располагать земельной собственностью (при условіи полного вознагражденія землевладѣльцев), сообразно общественным нуждам. «Если законодательная власть захочет, то может у всего класса землевладѣльцев отобрать землю, дав за нее облигаціи государственнаго долга».

Единственным справедливым обоснованіем права собственности,—говорит Милль,—является трудовой принцип—право человѣка на продукты его труда. Земля не есть продукт человѣческаго труда—слѣдовательно, этическое обоснованіе земельной собственности отпадает. Остаются сообра-

женія цѣлесообразности: общество может находить для себя выгодным, чтобы земля находилась в собственности отдѣльных лиц. Но это может быть лишь в том случаѣ, если земельные собственники каким-нибудь способом участвуют в созданіи національнаго богатства и содѣйствуют экономическому благополучію населенія. Но что сказать о крупных землевладѣльцах хотя бы Ирландіи? Их отношеніе к землѣ выражается лишь взиманіем арендной платы с арендаторов их имѣній. Они не только не улучшают техники земледѣлія, но, напротив, препятствуют такому улучшенію, дѣлая невозможным производство арендаторами меліорацій. «За немногими исключеніями, ирландскіе землевладѣльцы только истощают производительность земли. К ним буквально примѣняется эпиграмма, сказанная кѣм-то при совѣщаніях о том, чѣм обременены земли: «величайшее обремененіе для земель — землевладѣльцы»... Когда поземельная собственность стала в такое положеніе, то прекращается возможность защищать ее».

Исходя из этих соображеній Милль основал в 1870 г. общество, поставившее себѣ цѣлью земельную реформу. Сохраняя принцип вознагражденія землевладѣльцев за отчуждаемую от них землю, общество признало, что государство

должно стремиться сохранить за всѣм населеніем выгоды прироста земельной ренты, не вызываемаго дѣятельностью самих землевладѣльцев. Для этого государство должно было бы облагать землю особым налогом, возрастающим по мѣрѣ незаслуженнаго прироста доходности земли.

Взгляды Милля не могли не оказать большого вліянія на образованные классы англійскаго общества. О несправедливости земельной собственности высказался с еще большей опредѣленностью и Герберт Спенсер в одном из своих ранних сочиненій «Соціальная статика». Частная собственность на землю должна, по его мнѣнію, так же исчезнуть, как уже исчезла собственность на человеческую личность.

В болѣе недавнее время выступил в Англии с энергичной агитаціей в пользу націонализаціи земли знаменитый натуралист Альфред Уоллэс. Его книга «Land Nationalisation, its Necessity and its Aims» («Націоналізація землі, ея необходимость и цѣли») вышла в 1882 г. Уоллэс предлагал государству выкупить всю частную земельную собственность, при чем выкуп должен заключаться в обезпеченіи государством землевладѣльцам их земельной ренты, но не навсегда, а лишь на время жизни владѣльцев и их наслѣдников, родившихся до смерти этих владѣльцев. Самый

выкуп должен быть произведен на слѣдующих основаніях. Государство устанавливает, путем спеціальной оцѣнки, какая часть цѣнности имѣнія создана землевладѣльцем (напр., цѣнность построек, разных меліорацій и т. п.) или арендатором и какая связана с самой землей, как даром природы. Только эта послѣдняя часть цѣнности имѣнія и выкупается государством на указанных основаніях. Вся же цѣнность, созданная тѣм или иным лицом, признается его неотъемлемой собственностью.

Выкупленная государством земля остается в наслѣдственном владѣніи и распоряженіи тѣх лиц, которыя ею пользуются и в настоящее время. Если земля в арендѣ, то она поступает в распоряженіе арендатора, если землей пользуется сам землевладѣлец, то в распоряженіе землевладѣльца. Никакого ограниченія размѣра участков, поступающих во владѣніе и пользованіе отдѣльных лиц, не назначается. Но арендатор может получить в свое пользованіе арендуемую землю лишь в случаѣ уплаты собственнику всей цѣнности, созданной землевладѣльцем на этой землѣ, и признанной собственностью послѣдняго. Государство может оказывать помощь, для уплаты арендатором этой суммы, путем долгосрочной ссуды. Лицо пользующееся землей, обязуется уплачивать го-

сударству ежегодную ренту, и пока оно исправно вносит эту ренту, до тѣх пор земля остается в полном распоряженіи этого лица, с тѣм лишь ограниченіем, чтобы оно не передавало земли третьим лицам.

На ряду с этим, всѣм гражданам государства предоставляется, раз в жизни, выбрать в свое владѣніе, на извѣстных условіях, участок земли, размѣром не выше 5 акров и не ниже 1 акра. За пользованіе этим участком слѣдует такая же рента, как и за всякую другую землю. Имѣнія, ниже извѣстнаго размѣра, освобождаются от обязательства предоставлять желающим такіе участки. Относительно имѣній больших размѣров соблюдается правило, чтобы общая площадь имѣнія не уменьшалась, в теченіе жизни владѣльца, вслѣдствіе отвода названных участков, болѣе, чѣм на 10% своих размѣров. Владѣльцы имѣній вознаграждаются за отводимые участки согласно прavitельственной расцѣнкѣ.

Уоллэс основал «Общество націонализаціи земли», которое, однако, вскорѣ лишилось своих самых дѣятельных членов, примкнувших к идеям Генри Джорджа, появленіе книги котораго знаменует собой новую эпоху в разсматриваемом движеніи.

Но еще задолго до Джорджа в пользу на-

ціоналізації землі висказався на основанні весьма оригинальных соображеній глибокій, но оставшийся совершенно незамѣченным современниками, мыслитель — Герман Госсен. Его книга «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs» («Развитіе законов человѣческаго хозяйства»), вышедшая в 1853 г., явилась плодом многолѣтней упорной работы и доказывала огромную умственную силу автора. В этой книгѣ впервые была установлена новая теорія цѣнности, являющаяся в настоящее время, под названіем теоріи предѣльной полезности, почти общепринятой среди новѣйших экономистов. Несмотря на это, книга Госсена, на которую автор возлагал такія надежды, что не побоялся назвать себя в предисловіи Коперником политической экономіи, испытала нерѣдкую судьбу книг, опережающих свое время — ее по просту не прочли и книга была предана забвенію, из котораго вышла весьма недавно.

Основным принципом раціональной організації народнаго хозяйства Госсен принимает принцип наибольшаго счастья: хозяйство должно быть организовано так, чтобы получаемая обществом сумма счастья была наибольшей. Этот принцип требует, чтобы всякая естественная производительная сила в распоряженіи общества утилизовалась им самым полным образом. Но, оче-

видно, право частной собственности на землю является непреодолимой преградой для такого утилизова́нія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что изъ всѣхъ лицъ даннаго общества, именно собственникъ даннаго участка всего болѣе способенъ эксплуатировать его наилучшимъ образомъ. Далѣе, наиболѣе выгодная эксплуатація земли предполагаетъ и соотвѣтствующее комбинированіе различныхъ угодій въ одно имѣніе; имѣніе должно слагаться изъ опредѣленныхъ угодій, имѣть опредѣленную площадь, опредѣленные очертанія и пр. для того, чтобы было возможно максимальное использование естественныхъ силъ почвы. Пока частный собственникъ на землю сохраняетъ свое право veto на всякое пользованіе землей, не согласное съ его волей или просто капризомъ, до тѣхъ поръ раціональное использование всѣхъ естественныхъ силъ страны невозможно.

Такимъ образомъ, земельная собственность есть препятствіе на пути экономическаго прогресса и общество должно это препятствіе устранить. Но земля не можетъ быть отобрана государствомъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ какъ само же государство совершило ошибку, допустивъ переходъ земли въ частную собственность. Не будучи социалистомъ и преувеличивая важность частнохозяйственнаго предпринимательства для поднятія энергіи хо-

зайственной дѣятельности, Госсен противился всякому нарушенію права частной собственности. Поэтому для него оставалось одно средство борьбы с частной земельной собственностью—скупка государством, по вольной цѣнѣ, частновладельческих земель, пока вся земля не перейдет в руки государства.

Свою землю государство должно отдавать в аренду всѣм желающим по наивысшей цѣнѣ. При этом государство, при посредствѣ своих мѣстных органов, должно принимать всевозможныя мѣры для улучшенія качества земли, и наиболѣе выгоднаго комбинированія угодій. Принципом должно быть полученіе наивысшей ренты; сдаваемые участки должны быть такой площади, формы и так образованы, чтобы рента, которую соглашается платить за них арендатор, была постоянно наивысшей, ибо самый факт добровольной уплаты такой ренты свидѣтельствует о наивысшем и наиболѣе раціональном использованіи производительных сил почвы.

Участки должны сдаваться арендаторам на пожизненный срок, ибо только в этом случаѣ арендатор будет заинтересован в наиболѣе раціональной обработкѣ почвы и производствѣ меліораций; но государство предоставляет арендатору право во всякое время отказаться от аренды,

с предупрежденіем об этом за три мѣсяца. В случаѣ неплатежа арендной платы земля отбирается у арендатора. Государство оказывает ссуды арендаторам на производство меліорацій, под условіем платежа обычных процентов и погашенія капитала. Арендная плата измѣняется в зависимости от измѣненія общих условій земледѣльческаго производства и устанавливается каждый год мѣстными властями заново. Как общее правило, арендная плата должна повышаться (примѣрно на 1% в год), под вліяніем роста населенія и народнаго богатства, вызывающаго переход к болѣе интенсивным системам земледѣлія.

ГЛАВА III.

Новѣйшее движеніе.

Новѣйшее движеніе в пользу земельной реформы связывается с именем американца Генри Джорджа, книга котораго «Прогресс и бѣдность» вышла в 1879 г. Нельзя сказать, чтобы Джордж был самым глубоким или неотразимым защитником этой идеи: но он, безспорно, был самым краснорѣчивым ея защитником, — и этим объясняется непримѣрный успѣх его книги.

Свободная государственная земля, имѣвшаяся в огромном количествѣ в Соединенных Штатах, долгое время играла роль предохранительнаго клапана американскаго капитализма. С востока на запад тянулся в Америкѣ эмиграціонный поток, уносившій излишнее населеніе из восточных штатов, центров капиталистической промышленности, на дальній Запад, гдѣ земли имѣлось в изобиліи и гдѣ каждый мог легко основать свое собственное земледѣльческое хозяйство. Но наступило время, когда этот клапан стал дѣйстви-

вать менѣе успѣшно. И, что особенно важно, это время наступило гораздо раньше истощенія запаса незанятых, пустующих земель. Уже в 70-х годах закончившагося столѣтія, поселенцы в западных штатах начинают жаловаться на трудность пріискать свободный участок земли, несмотря на то, что огромныя пространства земли остаются необработанными. Государственная земля была скуплена капиталистами восточных штатов в цѣлях спекулированія на повышеніи ея цѣны, а также захвачена желѣзнодорожными обществами, которым государство отводило огромныя земельныя участки даром. И тѣ и другіе находили выгодным держать землю в своих руках со спекулятивными цѣлями, без всякаго производительнаго употребленія ея.

Грандіозныя рабочія стачки в Америкѣ в концѣ 70-х годов, в эпоху тяжелаго промышленнаго кризиса, показали всему міру, что соціальныя вопросы являются таким же грозным сфинксом в Новом Свѣтѣ, как и в Старом. Эти стачки имѣли характер настоящаго возстанія американскаго пролетаріата. В Питтсбургѣ желѣзнодорожныя рабочіе, вмѣстѣ с городским пролетаріатом, захватили город в свою власть, сожгли все имущество желѣзнодорожной компаніи, постройки, сооруженія, уничтожили болѣе полуторы тысячи

вагонов и болѣе сотни локомотивов, разграбили нѣсколько товарных поѣздов. Только послѣ кровавых столкновений правительству удалось усмирить рабочих. Подобныя же сцены разыгрались и в других городах Америки.

Стачки 70-х годов наглядно показали всѣм, что предохранительный клапан американскаго капитализма перестал дѣйствовать; онѣ поставили американское общественное мнѣніе лицом к лицу с великим соціальным вопросом нашего времени.

Книга Джорджа, написанная под непосредственным вліяніем этих событій, является американской попыткой рѣшенія соціального вопроса. Корень соціального вопроса заключается, по мнѣнію Джорджа, в присвоеніи землевладѣльцем избыточнаго продукта, создаваемого успѣхами производства, ростом цивилизаціи и культуры. Как быстро бы ни шел рост народнаго богатства, рабочіе и предприниматели ничего от него не выигрывают, ибо плоды их труда, изобрѣтательности и предприимчивости, по неумолимым законам общественнаго строя, основаннаго на частной земельной собственности, достаются классу, не принимающему никакого участія в созданіи богатства. «Так как земля необходима для труда, производящаго богатство, то владѣть землей, значит владѣть всѣми плодами труда, за

вычетом доли, необходимой для существованія рабочаго. Труд не может воспользоваться тѣми благами, которыя приносит с собой развивающаяся цивилизація, ибо эти блага перехватываются по пути... Причина того явленія, что заработная плата, несмотря на рост производительных сил постоянно стремится к наинизшему уровню, при котором возможно лишь голое существованіе, заключается в том обстоятельствѣ, что с ростом производительных сил в еще большей мѣрѣ стремится расти и земельная рента».

Не капитал угнетает рабочаго, а земельная собственность; интересы капиталиста и рабочаго вполне солидарны, и оба они одинаково страдают от общаго врага—землевладѣльца. Промышленные кризисы всецѣло вызываются земельной собственностью, а именно земельными спекуляціями капиталистов, захватывающих огромные земельные участки с цѣлью спекулировать на увеличеніе их цѣны.

Противоположность интересов труда и капитала рѣшительно отрицается Джорджем. Стачки и организаціи рабочих, направленные против капиталистов, не встрѣчают сочувствія Джорджа, относящагося с полным осужденіем и к социализму вообще. У рабочих и капиталистов, говорит он, есть один враг—частная собственность на землю;

когда этот враг будет побѣжден, тогда капиталисты и рабочіе будут жить в полном согласіи и мирѣ друг с другом. Борьба труда и капитала основана на недоразумѣніи: и капиталисты и рабочіе — одинаково необходимы для хозяйственнаго благополучія страны, и потому им слѣдует не враждовать, а помогать друг другу.

Итак, бѣдность вызывается всецѣло и исключительно частной собственностью на землѣ. Отсюда вытекает и «средство исцѣленія» от роковой болѣзни бѣдности, предлагаемое Джорджем. Если бѣдность создается частной земельной собственностью, то для уничтоженія бѣдности нужно, очевидно, уничтожить этот социальный институт. Но каким образом? Очень простым — отвѣчает Джордж — обложеніем земли налогом, равным земельной рентѣ. Землевладѣльцы не имѣют никакого права на вознагражденіе за потерю ренты, так как рента создается не ими, а обществом, которое, отбирая в свою пользу ренту, возвращает себѣ свое собственное дѣтище, свое созданіе. Государство может осуществить великую социальную реформу, послѣдствія которой Джордж рисует самыми радужными красками, путем простого преобразованія системы налогов. В настоящее время налоги крайне разнообразны и стремятся охватить всевозможные источники дохода; они

ложатся тяжелым бременем на труд и капитал и крайне стѣсняют хозяйство. Если бы всѣ эти налоги были уничтожены и переложены на землю, то всѣ классы населенія, кромѣ, конечно, крупных землевладѣльцев, чрезвычайно выиграли бы. Выгода рабочих заключалась бы в том, что, имѣя свободный доступ к землѣ, от которой отказались бы всѣ землевладѣльцы, не эксплуатирующие теперь своих земельных участков (ибо кто стал бы удерживать в своих руках землю, за которую приходится дорого платить без надежды что-либо выиграть?), рабочіе не стали бы продавать свой труд за меньшую сумму, чѣм доход, получаемый при самостоятельном веденіи сельскаго хозяйства. Кромѣ того, рабочіе выиграли бы въ качествѣ потребителей, благодаря удешевленію всѣх предметов, обложенных пошлинами, акцизами и другими налогами, обременяющими промышленность. Предприниматели, капиталисты выиграли бы потому, что переложеніе всѣх налогов на землю дало бы огромный толчок промышленности. Мелкіе землевладѣльцы точно также выиграли бы, ибо их потери от конфискаціи ренты были бы избытком покрыты удешевленіем предметов потребленія, освобожденных от налогов. «Для наиболѣе трудящихся фермеров, как бы парадоксально это ни казалось, переложеніе всѣх нало-

гов на земельную ренту было бы в сущности равнозначуще освобожденію их от всякаго налога». Вообще всѣ фермеры, которые болѣе рабочіе, чѣм землевладѣльцы, выиграли бы от этой реформы. Кто же проиграл бы от нея? Только крупные землевладѣльцы, «только тѣ стали бы бѣднѣе от указанной мѣры, кто мог бы обѣднѣть без существеннаго ущерба для себя. Большія состоянія пострадали бы, но никто в дѣйствительности не впал бы в бѣдность».

Таково ученіе Джорджа, произведшее огромное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, как это доказывается колоссальным успѣхом его книги. Как бы мы ни оцѣнивали заслуг Джорджа, как теоретика (по моему мнѣнію, в теоретическом отношеніи книга Джорджа представляет собой, сравнительно съ работами его предшественников, скорѣе шаг назад, чѣм вперед), за нимъ нельзя отнять славы самого вліятельнаго пропагандиста и популяризатора идеи земельной реформы. Появленіе его книги было выдающимся общественным событіем своего времени. И сам Джордж видѣл в своей книгѣ не просто литературное произведеніе и не только ученый труд, но, прежде всего, призыв к опредѣленному практическому дѣлу.

Немедленно по выходѣ в свѣтъ «Прогресса и бѣдности» Джордж приступает к энергичной аги-

таці в пользу своих идей. В самой Америкѣ дѣятельность его вначалѣ сопровождалась шумнымъ успѣхомъ. Въ Нью-Йоркѣ вскорѣ образовалась вліятельная партія «United Labour Party» («Соединенная рабочая партія»), принявшая в основных чертахъ программу Джорджа. В 1886 г. краснорѣчивый борецъ противъ соціального зла выступилъ кандидатомъ на должность мера города Нью-Йорка и получилъ около 70.000 голосовъ, но былъ побитъ кандидатомъ демократовъ, собравшимъ около 90.000 голосовъ. Если вспомнить, что авторъ «Прогресса и бѣдности» стоялъ внѣ обѣихъ могущественныхъ партій, дѣлящихъ власть в Соединенныхъ Штатахъ, республиканской и демократической, то нельзя не согласиться со сторонниками Джорджа, усматривавшими в его пораженіи огромную моральную побѣду. Несомнѣнно, что выборы 1886 г. не только не ослабили вліянія нашего соціального реформатора, но, напротивъ, содѣйствовали дальнѣйшему росту вызваннаго имъ движенія. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ к послѣдователямъ Джорджа примыкаетъ нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, в том числѣ католическій патеръ ирландецъ Мак Глинн, краснорѣчивый ораторъ, защищавшій с церковной кафедры планы апостола націонализаціи земли. Вмѣстѣ с Джорджемъ Глинн основалъ «Anti Poverty Society» («Общество борьбы

с бѣдностью»), задачей котораго было устраненіе бѣдности путем введенія единого поземельнаго налога.

Но успѣхи всего этого движенія были непродолжительны. Среди «Соединенной партіи рабочих» обнаружился раскол: социалисты, вошедшіе в партію, энергично высказались против церковнаго направленія, приданнаго движенію Мак Глинном. На общем собраніи партіи в Сиракузах, в августѣ 1887 г., было рѣшено исключить из партіи социалистов, пугавших болѣе умѣренных сторонников Джорджа. Партія старалась опереться на мелких фермеров, так как промышленные рабочіе не обнаруживали никакой наклонности войти в нее; но и фермеры остались чужды движенію. На ноябрьских выборах 1887 г. Джордж получил во всем Нью-Йоркском штатѣ не болѣе голосов, чѣм год тому назад в одном городѣ Нью-Йоркѣ. По городу ходила острота: «Джордж поднялся, как ракета, и опустился, как обгорѣлая жердь».

Но всѣ эти неудачи не убили движенія, вызваннаго смѣлым защитником народных интересов. Если у себя на родинѣ Джордж и имѣлъ мало успѣха, зато в других странах идеи его нашли для себя благодарную почву.

Вскорѣ послѣ появленія его знаменитой книги

он совершил поѣздку с агитаціонной цѣлью в Ирландію и Англію; затѣм он побывал в Европѣ еще нѣсколько раз, читая с огромным успѣхом лекціи, участвуя в публичных митингах и всячески пропагандируя идею «единого налога». Народныя массы встрѣчали его восторженно, и уже в 1883 г. в Англіи основалось «Land Restoration League» («Лига возвращенія земли»), всецѣло примкнувшая ко взглядам Джорджа. Вслѣд за тѣм, такое же общество возникло и в Шотландіи.

Среди англійскаго населенія никогда не умирало стремленіе к возрожденію крестьянскаго хозяйства. Промышленные рабочіе мало-по-малу оставили несбыточную надежду, столь манившую их в эпоху чартизма, вернуться опять к землѣ. Но для земледѣльческих рабочих идеалом оставалось собственное хозяйство на собственной землѣ. Это лучше всего видно из того, что могущественное организаціонное движеніе 70-х годов среди земледѣльческих рабочих, созданное Джозефом Арчем, признало своей конечной цѣлью «три акра и корову!»—созданіе мелкаго крестьянскаго хозяйства. В своей автобіографіи Арч слѣдующим образом формулирует свой послѣдній завѣтъ рабочим: «Добивайтесь земли, но своими собственными средствами—я не вѣрю в государственную помощь и націонализацию земли. Берите участок

земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработкѣ, вот что должен дѣлать рабочій. Лишь в послѣдней крайности я рекомендовал бы насиліе. Самопомощь и свобода, порядок и прогресс, вот что я совѣтую вам».

Таким образом, и в наше время, как и в эпоху чартизма перед земледѣльческим населеніем Англіи стоят два плана аграрной реформы— один отвергает всякую частную собственность на землю и требует фактическаго уничтоженія самаго института частной земельной собственности, а другой признает возможным созданіе крестьянскаго хозяйства на почвѣ существующаго права.

Оба эти теченія встрѣчают поддержку в различных кругах англійскаго общества и народа. «Лига возвращенія земли» продолжает и понынѣ вести энергичную агитацію в пользу націонализаціи земли. Крайне интересен способ, которым ведется эта агитація. В 1891 г. лига образовала особый фонд для пропаганды своих идей при помощи «красных фургонов» («Red Vans»). Каждое лѣто фургоны эти разъѣзжают по земледѣльческим округам Англіи. Сами фургоны краснаго цвѣта, покрыты афишами, воззваніями, рисунками, пропагандирующими идею націонализаціи земли. Пріѣхав в деревню, фургон останавливается, и член лиги, руководящій движеніем фур-

Землевладельцы были заинтересованы в этом выкупѣ гораздо больше, чѣм фермеры, ибо они получали при выкупѣ сразу значительную денежную сумму, между тѣм как при господствѣ прежних отношеній они отнюдь не были обеспечены в исправном внесеніи фермером арендной платы. Фермеры же были мало заинтересованы в выкупѣ земли, так как и без выкупа они фактически исполнѣ владѣли ею. Поэтому, выкуп стал возможен лишь при условіи сокращенія ежегодных платежей фермеров, когда фермер прямо выигрывал от выкупа. Правительство предоставило средства для достиженія этого и, таким образом, фермерское владѣніе и юридически стало превращаться в полную земельную собственность.

Для движенія в пользу націонализаціи земли во всем этом совершенно закономѣрном развитіи не было мѣста и исполнѣ естественно, что крупное землевладѣніе в Ирландіи было экспроприровано не в пользу всего общества, а в пользу только фермеров.

ГЛАВА VI.

Земельная реформа и социалдемократія.

Мы видѣли, что современные сторонники земельной реформы выступают рѣшительными противниками социалистов. Как же относятся к земельной реформѣ эти послѣдніе?

Вопрос о земельной реформѣ был поднят уже «Интернаціоналю». На Лозаннском конгрессѣ «Интернаціонали» (1867) вопрос этот вызвал ожесточенные споры между прудонистами и марксистами. Первые защищали мелкую земельную собственность, как необходимую основу индивидуальной свободы, вторые же требовали уничтоженія частной собственности на землю. Марксисты побѣдили и слѣдующій конгресс «Интернаціонали» в Брюсселѣ (1868) принялъ огромным большинством слѣдующую резолюцію:

«Принимая в соображеніе, что потребности производства и примѣненія законов научной обработки земли дѣлают необходимыми в земледѣліи крупную культуру, введеніе машин и совмѣстный

труд больших масс рабочих, и что вообще современное экономическое развитие стремится к крупному земледѣлю;

«принимая в соображеніе, что производительныя силы почвы создают сырой матеріал всѣх продуктов, являются конечным источником всѣх средств производства и всего народного богатства, и что эти производительныя силы не созданы трудом—

«конгресс не сомнѣвается, что экономическое развитие современнаго общества дѣлает необходимым переход земли в собственность всего общества и что земля... должна передаваться государством земледѣльческим рабочим ассоціаціям».

Однако, эта резолюція удовлетворила далеко не всѣх и уже на слѣдующем, Базельском, конгрессѣ «Интернаціонали» (1869) тот же вопрос подвергся новому обсужденію. Многіе высказывались в том смыслѣ, что государственная земля должна сдаваться в аренду не только рабочим ассоціаціям, но и отдѣльным земледѣльцам—иными словами, что крупное производство не является необходимостью в земледѣліи. В виду этих разногласій конгресс остановился на слѣдующей резолюціи:

«Конгресс признает принцип общественной

собственности на землю и совѣтует всѣм секціям «Интернаціонали» разработывать практическія мѣры достиженія этой цѣли;

«конгресс объявляет, что общество имѣет право уничтожить частную собственность на землю и передать землю всему обществу;

«конгресс объявляет, что такая передача необходима в интересах общества».

Но и эта резолюція вызвала, по своей неопредѣленности, протесты с противоположной стороны—со стороны большинства марксистов, убѣжденных, что только крупное производство имѣет будущность в земледѣліи, как и в промышленности. Женевская секція «Интернаціонали» выпустила в скором времени «Манифест» к земледѣльческому населенію, в котором высказывала твердое убѣжденіе в неизбѣжном крушеніи в близком будущем мелкаго крестьянскаго хозяйства; переход к обработкѣ земли крупными ассоціаціями трудящихся казался секціи единственным рѣшеніем аграрнаго вопроса. Секція совѣтовала в «Манифестѣ» мелким землевладѣльцам-крестьянам образовывать производительныя земледѣльческія ассоціаціи, отдавая в общее владѣніе и пользованіе такихъ ассоціацій свои земли, постройки, скот и прочій земледѣльческій инвентарь. Земледѣльческіе рабочіе, не имѣющіе земли

и средств производства, должны входить в ассоціаціи полноправными членами. Всѣ лица, сдѣлавшіе взносы в пользу ассоціаціи, получают устанавливаемый ассоціаціей ежегодный процент на свои взносы. Весь остальной чистый доход ассоціаціи, за вычетом указанных процентов, распределяется в равной мѣрѣ между членами ассоціаціи.

Нечего и говорить, что «Манифест» этот, приглашавшій крестьян бросать свое хозяйство, к которому они привыкли в теченіе многих поколѣній, и переходить к неизвѣстной им новой формѣ производства, жертвуя при этом всѣм своим достояніем, только оттолкнул швейцарских крестьян от «Интернаціонали» и сдѣлал их врагами социализма. Само собой разумѣется, что ни одной земледѣльческой ассоціаціи «Манифест» не вызвал.

Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное женеvским «Манифестом» на крестьян, побудило Либкнехта, котораго можно считать с не меньшим правом, чѣм Лассаля, творцом нѣмецкой социал-демократической партіи, выступить с небольшой брошюрой о земельном вопросѣ «Zur Grund-und Bodenfrage» (1874). В этой брошюрѣ Либкнехт отстаивает марксистскую точку зрѣнія на аграрный вопрос, но в то же время предупреждает крестьян от распространеннаго недоразумѣнія,

будто соціалісти стремятся експропріировать их земельную собственность. «Законодательная експропріація крестьян,—говорит он—без сомнѣнія, натолкнулась бы на самое упорное сопротивление крестьян, может быть, вызвала бы среди них открытое возстаніе. Поэтому, в данном случаѣ нужно дѣйствовать с величайшей осторожностью и с особым вниманіем к разнаго рода предразсудкам и мнимым интересам. Государство должно тщательно избѣгать всего, что могло бы вызвать вражду мелкаго крестьянина. Французская февральская республика погибла от несоблюденія этого правила... Этого урока мы не забудем».

Главным средством достигнуть распространенія земледѣльческих ассоціацій Либнехт признает передачу им в пользованіе государственной земли. Государство должно дать на своей землѣ работу земледѣльческому пролетаріату, под условіем образованія ассоціацій; а так как эти ассоціаціи, по мнѣнію автора, должны оказаться наиболѣе совершенным типом земледѣльческаго предпріятія, то онѣ должны, мало-по-малу, вытѣснять всякое иное земледѣльческое производство.

Убѣжденіе в нежизнеспособности крестьянскаго хозяйства стало на долгое время догматом вѣры германской соціалдемократіи. Этим опредѣлилась и позиція соціалдемократов по отношенію к во-

просу о націоналізації землі: реформа земельной собственности связывалась в их представлении с коренным преобразованием и способов земледельческого производства. Они не признавали ни возможным, ни желательным отделить одно от другого: земля, переходящая в руки государства, должна, с этой точки зрения, одновременно переходить и в руки земледельческих ассоциаций. Но жизнь не создавала ничего подобного этим ассоциациям; поэтому, естественно, что социалдемократы должны были отодвигать и земельную реформу на тот отдаленный срок, когда станет возможным превращение капиталистического способа производства в социалистический. Национализация земли потеряла в глазах марксистов значение реформы, осуществимой в пределах капиталистического же общества, подобно введению 8-ми часового рабочего дня, демократического устройства государства и др. пунктов практической программы социалдемократической партии. Иными словами, социалдемократы были вынуждены своим принципиальным отношением к мелкому крестьянскому хозяйству отнестись враждебно и к национализации земли, как мёртв практической политики переживаемого момента.

Но жизнь очень скоро доказала, что крестьянское хозяйство не только не уступает мѣста круп-

ному, а, наоборот, вытѣсняет его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рост социалдемократической партіи поставил перед ней новую задачу—завоеванія деревни. На Франкфуртском конгрессѣ социалдемократической партіи в 1894 г. Шёнланк и Фольмар впервые попытались внести в среду социалдемократіи новую точку зрѣнія на крестьянскій и, вообще, аграрный вопрос: они провели огромным большинством голосов резолюцію, согласно которой в задачи социалдемократической партіи включалась и помощь крестьянскому хозяйству. Была выбрана коммиссія, которой и было поручено выработать особую аграрную программу социалдемократической партіи.

Коммиссія эта раздѣлилась на три подкоммиссіи. Подкоммиссія, занимавшаяся спеціально мелким крестьянским хозяйством, рѣшила, что желательно непосредственно содѣйствовать расширенію крестьянскаго земледѣлія путем отдачи государственных земель в аренду отдѣльным крестьянским семействам, но обѣ остальные подкоммиссіи не присоединились къ этому пожеланію и вся коммиссія въ цѣломъ остановилась на компромиссѣ: было рѣшено признать возможным отдачу государственной или общинной земли в аренду отдѣльным крестьянамъ, поскольку собственное веденіе хозяйства на этой землѣ, со стороны го-

сударства или общины, оказывалось нерациональным.

Но и эта скромная и нерѣшительная попытка комиссіи порвать со старой традиціей отрицательнаго отношенія к единоличному крестьянскому хозяйству вызвала цѣлую бурю негодованія в партіи. Несмотря на горячую защиту предложеній комиссіи со стороны Бебеля и Либкнехта, Бреславльскій конгресс соціалдемократической партіи принял, послѣ ожесточенных трехдневных дебатов, 158 голосами против 63, резолюцію Каутскаго, начинавшуюся с заявленія, что «проект аграрной программы, предложенный аграрной комиссіей, подлежит отверженію, ибо эта программа имѣет в виду поднятіе крестьянства, иначе говоря, укрѣпленіе их частной собственности».

Таким образом, марксистская догма одержала, повидимому, полную побѣду. Но побѣда эта была, в дѣйствительности, мнимой. На практикѣ соціалдемократическіе представители в тѣх мѣстностях, гдѣ крестьянское хозяйство преобладало, уже давно были принуждены силою вещей, — чтобы не утратить довѣрія своих избирателей, — поддерживать в своей парламентской дѣятельности крестьянское хозяйство. Послѣ Бреславльской резолюціи им оставалось или отказаться от своей прежней тактики, или сложить свои полномочія,

или же, наконец, просто игнорировать Бреславльскую резолюцію. Нечего и говорить, что они избрали этот послѣдній выход, с молчаливаго согласія и самой партіи, которая ничѣм не протестовала против такого нарушенія партійной дисциплины. Соціалдемократическіе представители в баварском ландтагѣ выступили с принципиальным заявленіем, коренным образом расходившимся с Бреславльской резолюціей. «Мы будем,—заявили они,—дѣлать все возможное, чтобы улучшить участь крестьян и избавить возможно большее число их от угрожающаго им погруженія в ряды пролетаріата. Мы будем оказывать им возможную помощь в их борьбѣ с капиталом и фиском». Сходную позицію заняли соціалдемократическіе представители в ландтагах и других южногерманских государств—так, напр., в Баденѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ.

Но, какова бы ни была практика соціалдемократіи, ея теорія и до настоящаго времени пропитана недовѣріем и враждой к крестьянскому хозяйству. Как вѣрные послѣдователи Маркса, руководящіе теоретики соціалдемократіи видят в крестьянинѣ, поскольку ему не грозит пролетаризація, прирожденнаго врага социализма; поддержка и укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства является, с этой точки зрѣнія, самоубійственной

политикой для социализма, долженствующего опираться только на пролетариат и не соблазняться обманчивой надеждой привлечь под свое знамя собственников, хотя бы и самых мелких.

Этим объясняется и отношение к земельной реформѣ самого выдающагося современнаго теоретика социалдемократіи — Карла Каутскаго, «великаго инквизитора марксизма», как его в шутку называют. В результатѣ своего изслѣдованія аграрнаго вопроса он приходит к заключенію, что «социалдемократическая аграрная программа в смыслѣ охраны крестьянства была бы не только безцѣльна, но, хуже этого, она повредила бы самым тяжелым образом социалдемократіи». Переходя к вопросу о націонализациі земли Каутскій констатирует, что коренная реформа права частной собственности на землю возможна и в предѣлах капиталистическаго общества, при сохраненіи товарнаго производства и наемнаго труда. Однако, он высказывается против этой реформы, равно как и против других мѣр сходнаго характера — напр., сосредоточенія всего земельного кредита или всей хлѣбной торговли в руках государства. Каутскій указывает на то, что переживаемый нами момент характеризуется не ростом цѣн земледѣльческих продуктов и земельной ренты, а, наоборот, значительным паденіем

того и другого. Сосредоточенія в руках государства торговли земледѣльческими продуктами домогаются именно аграріи, желающіе этим способом поднять хлѣбныя цѣны. Точно также и передача всего земельного кредита в руки государства имѣет в виду облегчить положеніе задолженных землевладѣльцев, а также и капиталистов,—владѣльцев закладных листов, рискующих лишиться своих капиталов благодаря паденію земельных цѣн. Мѣра эта представляет собой, в сущности, переложеніе всего риска потери ипотечнаго капитала с капиталистов на государство. «То же нужно сказать и о націонализациі земли при сохраненіи капиталистическаго способа производства, как этого домогаются буржуазные сторонники земельной реформы вродѣ Генри Джорджа. Если бы им удалось в концѣ семидесятих годов провести в Англіи націонализацию земли, то никто не выиграл бы от этого болѣе самих землевладѣльцев, земли которых были бы выкуплены государством. Они спокойно пользовались бы процентами с капиталов, полученных от государства, а государство понесло бы всѣ потери от паденія земельной ренты на 30 и болѣе процентов, от чего теперь страдают землевладѣльцы» («Die Agrarfrage». 1899. Стр. 327).

Земля, выкупленная у частных землевладельцев, должна была бы поступить в распоряжение государства. Но Каутскій не очень довѣряет способности современнаго государства руководить хозяйственным предпріятіем. Напротив, современное государство оказывается, обыкновенно, очень плохим хозяином и только крайняя необходимость (напр., защиты населенія от эксплоатаціи монополистов) может оправдать расширение государственнаго хозяйства. К этим экономическим соображеніям присоединяются соображенія и политическаго характера. Современное государство есть организація классоваго господства. Увеличивать его экономическую мощь значит увеличивать мощь господствующих классов. «Демократическія формы правленія еще отнюдь не устраняют возможности употребленія сил государства на подавленіе пролетаріата. Гдѣ крестьяне и мелкая буржуазія образуют значительное большинство, там эти классы населенія обнаруживают, правда, большую готовность ограничивать эксплоатацію рабочих крупными капиталистами, но тѣм ревнивѣе они охраняют «хозяйственную свободу» мелких эксплоататоров. Швейцарскіе крестьяне и мелкіе буржуа предоставляют рабочим полную свободу во всѣх политических дѣлах, но при всякой стачкѣ рабо-

чих против хозяев-ремесленников они приходят в ярость и ведут себя по отношенію к рабочим, встрѣчая поддержку государственной власти, если возможно, еще грубѣе и насильственнѣе, чѣм их товарищи в не свободных странах («Agrarfrage». Стр. 328).

Таким образом, там, гдѣ пролетаріат не играет руководящей роли, социалдемократы не имѣют, без особой необходимости, никакого повода стремиться к расширенію государственнаго хозяйства. «Но возникает ли такая необходимость по отношенію к сельскому хозяйству? До семидесятых годов землевладѣніе имѣло характер монополіи, приводящей к возрастающей эксплоатации населенія. Но развитіе средств сообщенія в общем сломило для земледѣлія эту монополію... С другой стороны, форма земледѣльческаго предпріятія еще не такова, чтобы требовать государственнаго хозяйства... Государство само предпочитает отдавать свои земли в аренду капиталистам, вмѣсто того, чтобы обрабатывать их собственными средствами. Социалдемократія же не имѣет никакого повода увеличивать число капиталистических арендаторов государственных земель и уменьшать, таким образом, зависимость правительства от вотирования бюджета народными представителями» (Там же. Стр. 328—329).

Однако, существуют отрасли хозяйства, относительно которых Каутскій вполне признает необходимость націонализации их даже и в капиталистическом обществѣ. Сюда относится, между прочим, лѣсное и водное хозяйство. Націоналізація лѣсов необходима потому, что, благодаря продолжительности періода своего роста, лѣса не могут быть раціонально эксплуатируемы в частном хозяйствѣ. Точно также, только государство может раціонально поставить водное хозяйство, самым тѣсным образом связанное с интересами всего общества, как цѣлаго.

Что касается до городского хозяйства, то здѣсь Каутскій почти всецѣло примыкает к сторонникам земельной реформы. «В городах земельная рента растет; если городская земля принадлежит городскому управленію, то прирост этот достается городской общинѣ и служит в ея руках, при существованіи городского самоуправленія, всеобщаго избирательнаго права и извѣстной высотѣ развитія пролетаріата, не к увеличенію могущества господствующих классов, а к поднятію образованія и благосостоянія городского населенія. Обращеніе всей земли в городскую собственность даст возможность улучшить жилищныя условія населенія путем положительных мѣропріятій, при посредствѣ постройки городских зданій, между

тѣм как простыя строительныя правила разнаго рода, разнаго рода запретительныя мѣры и инспекція постройки и пользованія домами, способны лишь устранять самыя очевидныя злоупотребленія, но отнюдь не подрѣзать в корнѣ жилищное ростовщичество. Поэтому, возможное расширеніе городской земельной собственности есть одна из задач современной самостоятельной демократической городской общины. Современное городское самоуправленіе должно поставить правилом не только ни в каком случаѣ не отчуждать городской земли, но и пользоваться для расширенія своего землевладѣнія всяким случаем приобрѣсти землю на выгодных условіях. В предѣлах же государства партія пролетаріата должна содѣйствовать тому, чтобы права городских самоуправленій по отношенію к земельным ростовщикам были, по возможности, расширены и чтобы городам было предоставлено возможно болѣе широкое право экспропріаціи» (Там же, стр. 337).

Совеѣм иначе Каутскій смотрит на задачи сельскаго самоуправления. В деревнѣ отсутствуют, по его мнѣнію, условія для развитія муниципальнаго социализма. «В настоящее время нечего и думать о самостоятельном веденіи земледѣльческаго хозяйства сельской общиной путем крупнаго земледѣльческаго производства на коопера-

тивных началах. Даже в городѣ рѣдко удаются производительныя ассоціаціи; для крупных производителей ассоціацій в руках крестьян отсутствуют всѣ необходимые элементы успѣха, необходимыя духовныя силы, дисциплина, денежные средства. Мы не думаем, чтобы в настоящее время нашлась хотя бы одна сельская община, которая могла бы перейти к веденію самостоятельнаго крупнаго сельскаго хозяйства... Какой же смысл имѣло бы, при таком положеніи дѣла, расширеніе землевладѣнія сельской общины?... Она могла бы, как общее правило, в лучшем случаѣ, лишь сдавать свою землю в аренду, но при этом, благодаря паденію земельной ренты, должна была бы терпѣть убытки. Созданіе и расширеніе землевладѣнія самоуправляющихся общин может явиться в деревнѣ, как и в городѣ, одним из средств обобществленія средств производства. Но при современных условіях общее требованіе такого расширенія может быть выставлено, лишь по отношенію к городам» (Там же, стр. 338).

Так как Каутскій играет руководящую роль в современном марксизмѣ, то на доводах его стоит остановиться. Прежде всего, бросается в глаза совершенно различное отношеніе его к земельной собственности в городѣ и деревнѣ; по

отношенію к городу Каутскій вполне примыкает к сторонникам земельной реформы, по отношенію к деревнѣ он выступает их противником. Чѣмъ объясняется это различіе?

Каутскій указывает на то, что деревня еще не доросла до крупнаго общественнаго производства, между тѣмъ как город уже способен на это. По отношенію к деревнѣ это, конечно, совершенно вѣрно: конечно, теперь нечего и думать о немедленном созданіи в деревнѣ крупныхъ земледѣльческихъ ассоціацій, как о том мечтали марксисты 60-х годов. Каутскій отказался от всякихъ иллюзій на этот счет и в этом он вполне прав. Но аргумент этот имѣет силу лишь в связи с молчаливымъ предположеніемъ, что всякое иное земледѣльческое производство, кромѣ крупнаго, не представляется прогрессивнымъ и желательнымъ. Ибо если это предположеніе отвергнуть, если отказаться от предубѣжденія противъ крестьянскаго хозяйства, то изъ факта невозможности в деревнѣ производительныхъ ассоціацій в широкомъ размѣрѣ никакъ нельзя сдѣлать вывода о нежелательности расширенія землевладѣнія деревенской общины; вѣдь это землевладѣніе можетъ послужить к укрѣпленію мелкаго крестьянскаго хозяйства и, такимъ образомъ, оказаться чрезвычайно полезнымъ, если, разумѣется, полезно укрѣпленіе крестьянскаго

хозяйства. Так, напр., приобретение общиной выгона или луга может оказать, во многих случаях, прямо неопределимую услугу хозяйству всех крестьян, входящих в состав общины.

Но община может и иным способом использовать приобретаемую землю, напр., отдачей ее в аренду или временное пользование отдельным своим членам. Против этого способа использования земли Каутский выдвинул аргумент падения земледельческой ренты. Но для нас, русских, несостоятельность этого аргумента вполне очевидна. В России наблюдается за последние годы не падение, а колоссальное повышение земельной ренты. Вообще, можно не обинуясь утверждать, что повышение земельной ренты, как в городѣ, так и в деревнѣ, при условии роста населения, есть правило, а падение ренты—исключение. Последние десятилетия закончившагося вѣка действительно характеризовались в странах старой культуры падением земледельческой ренты. Но Каутский упустил из виду, что это падение, вызванное конкуренцией на мировом рынкѣ новых стран, благодаря ускорению и огромному удешевлению транспорта, сопровождалось чрезвычайным повышением земледельческой ренты в этих новых странах, в которых огромныя площади земли, не имѣвшія раньше почти никакой цѣн-

ности, поступили теперь под распашку. Поэтому и в концѣ XIX вѣка паденіе земледѣльческой ренты было мѣстным явленіем Западной Европы и восточных штатов Америки, но отнюдь не мировым. Но, кромѣ того, и в странах старой культуры паденіе земледѣльческой ренты неизбѣжно должно быть явленіем временным. Площадь, пригодная для производства хлѣбов, не безпредѣльна и расширеніе запашки путем распаханія дѣвственных земель должно раньше или позже прекратиться. Населеніе в новых странах быстро растет и соотвѣтственно растет мѣстный спрос на продукты мѣстнаго земледѣлія. В XVIII вѣкѣ Англія была страной, вывозившей, а не ввозившей хлѣб; в первой половинѣ XIX вѣка вывозила хлѣб и Германія. Не так далеко время, когда и Соединенные Штаты, со своей колоссально развивающейся промышленностью и не менѣе быстрым ростом населенія, перестанут вывозить хлѣб на европейскій рынок. Нельзя указать времени, когда это произойдет, но что это неизбѣжно должно произойти — в этом порукой нам вся исторія. А тогда цѣны земледѣльческих продуктов, вмѣстѣ с земледѣльческой рентой и земельными цѣнами, начнут быстро повышаться в Западной Европѣ.

За самое послѣднее время наблюдается при-

остановка в паденіи хлѣбныхъ цѣн; вмѣстѣ с тѣмъ приостановилось в Западной Европѣ и паденіе земельной ренты. Нѣтъ никакихъ основаній думать, вмѣстѣ с Каутскимъ, что земледѣльческая рента в западноевропейскихъ странахъ будетъ падать в будущемъ все ниже и ниже; напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что и в сельскомъ хозяйствѣ возстановится то движеніе земельной ренты, которое господствовало в Западной Европѣ до 70-хъ годовъ закончившагося столѣтія, и которое нельзя не считать нормальнымъ—земледѣльческая рента начнетъ опять правильно повышаться.

Мы видѣли, что позиція Каутскаго по отношенію к земельному вопросу в деревнѣ объясняется какъ его неправильной оцѣнкой вѣроятнаго движенія в будущемъ земледѣльческой ренты, такъ и его принципиально отрицательнымъ отношеніемъ к крестьянскому хозяйству. Онъ чуждъ утопіи марксистовъ прежняго времени и прекрасно понимаетъ, что земельная реформа должна пойти на пользу, прежде всего, крестьянству. А такъ какъ «охрана крестьянства повредила бы самымъ тяжелымъ образомъ соціалдемократіи», то онъ и высказывается какъ противъ муниципализаціи, такъ и противъ націонализаціи полевой земли.

Вообще же, нельзя не признать, что по вопросу о земельной реформѣ соображенія Каут-

скаго всего менѣе могут считаться убѣдительными. Отчасти его возраженія основываются просто на незнакомствѣ с дѣлом. Так, он утверждает, что при осуществленіи в 70-х годах в Англіи націонализаціи земли по плану Джорджа выиграли бы одни землевладѣльцы, которые получили бы возможность продать свои земли государству по выгодной цѣнѣ. Между тѣм, Джордж никакого выкупа частновладѣльческой земли не предлагал, а проектировал конфискацію частнаго землевладѣнія путем обложенія земли налогом, равным земельной рентѣ. Очевидно, Каутскій попросту забыл предложенія Джорджа.

Несмотря на свое принципиально враждебное отношеніе к націонализаціи земли, Каутскій рѣзко мѣняет свою позицію, когда дѣло идет о городѣ. Тут он готов идти рука об руку со сторонниками земельной реформы и этим во очію обнаруживает, что он является выразителем интересов городского, но отнюдь не деревенскаго трудящагося люда. Защищая интересы городского пролетаріата, страдающаго от непомѣрнаго роста квартирных плат и вообще негигіенической обстановки современнаго города, Каутскій вполне признает важность законодательной борьбы с «земельным ростовщичеством»; но «земельное ростовщичество» в деревнѣ не вызывает с его стороны соотвѣт-

ствующаго протеста, хотя земельный вопрос для сельскаго населенія, для котораго обработка земли является главным или даже единственным источником существованія, имѣет несравненно большее значеніе, чѣм квартирный вопрос для городскаго рабочаго, расходующаго на квартиру все же только часть своего бюджета. Когда рѣчь идет о городѣ, Каутскій не боится земельной реформы на почвѣ существующаго капиталистическаго способа производства; но он боязливо отступает перед ней, как только дѣло идет о деревнѣ. Деревенскіе интересы ему чужды и он безбоязненно пишет на знамени социалдемократіи, что социалдемократія никогда не станет защищать интересов мелкаго земледѣльца-мужика.

Германская социалдемократія отказалась от специальной аграрной программы и этим достаточно внушительно заявила свое пренебреженіе к интересам деревни. Современная Германія — страна промышленная; только около $\frac{1}{3}$ населенія занято в ней сельским хозяйством. Поэтому игнорированіе деревни со стороны могущественной партіи городскаго пролетаріата в Германіи возможно, хотя оно и не проходит безслѣдно для самой партіи, как и вообще для политической жизни страны. Как город завоеван в Германіи социалдемократіей, так нѣмецкая деревня остается и

появилась твердая реакция. На юге и западе Германии в деревнях царят клерикалы, на востоке и севере — юнкера. «Союз сельских хозяев», являющийся такой крупной политической силой современной Германии, выступает перед деревней с такой заманчивой для нее экономической программой, как, напр., знаменитый проект Каница о сосредоточении всей хлебной торговли в руках государства. Что противопоставляют этой широкой, хотя и шарлатанской, программе социалдемократы? Почти ничего или, во всяком случае, крайне мало. В своем упорном недоверии к крестьянскому хозяйству, они были принуждены отказаться от единственной крупной меры, которая могла бы увлечь более нуждающиеся элементы земледельческого населения — национализации земли и добровольно обрекли себя на бессилие в деревнях.

Правда, может быть указано, что все доселе предлагавшиеся планы земельной реформы в том или ином отношении неудовлетворительны и не могут служить основанием практической политики. Против этого я спорить, конечно, не стану. Но что мешает выработать вполне практический план земельной реформы? Для меня не подлежит сомнению, что отсутствие такового до настоящего времени объясняется отнюдь не трудностью за-

дачи, а только общественными условіями переживаемой исторической эпохи, отвлекавшими вниманіе наиболѣе прогрессивных элементов населенія от деревни вообще и аграрнаго вопроса в частности.

Необходимо отрѣшиться от предубѣжденія к крестьянскому хозяйству. Правда, «фанатизм собственности» отличает мелкаго собственника в еще большей степени, чѣм крупнаго. Но, вѣдь, крестьянское хозяйство не требует, как своего необходимаго основанія, мелкой земельной собственности. Крестьянину нужна земля—а будет ли эта земля его личной собственностью или собственностью общины, или же, наконец, государства—это является для него вопросом второстепенным. Ему должно быть лишь обезпечено свободное пользованіе землей. И потому задача укрѣпленія и расширенія крестьянскаго хозяйства, представляющаго собой, при современных общественных и экономических условіях, единственно возможную форму трудового земледѣльческаго производства (т.-е., производства, основаннаго на трудѣ производителя, а не на эксплуатаціи наемной рабочей силы), вполне совмѣстима с коренной реформой частнаго землевладѣнія.

ГЛАВА VII.

Земельная реформа въ Россіи.

Если вопрос о земельной реформѣ на Западѣ стал, силою вещей, вопросом городским, то у нас это вопрос, главным образом, деревни. У нас земельной вопрос выдвинут не книгой, а самой жизнью, мужиком, требующим земли и не желающим довольствоваться тѣм надѣлом, который он получил при своем освобожденіи, и который съ тѣх пор так сильно уменьшился, благодаря приросту населенія.

О многом можно спорить, но одно кажется в настоящее время бесспорным—это самый фактъ разоренія русской деревни. В этом пунктѣ сходятся всѣ наши партіи—начиная от офиціальных комиссій и совѣщаній под различнѣйшими наименованіями и кончая крайними радикалами. Русская деревня обнищала и дошла до такого еостоянія, что ждать съ энергичными мѣрами помощи болѣе нельзя: по всей нашей необъятной странѣ—в Приволожѣ, Малороссіи,

на западной окраинѣ и в «оскудѣвшем» центрѣ, — как красные огоньки начинающагося великаго степного пожара, побѣжали вспышки крестьянских волненій и беспорядков. Мужик подал голос и его слышали всѣ. Всѣм стало ясно, что нужно, наконец, перейти от теоретических разсужденій к рѣшительному практическому дѣлу.

Мы видѣли, что в Западной Европѣ движеніе в пользу земельной реформы почти не захватило деревни; даже в Ирландіи великая борьба за землю привела пока не к реформѣ самого института земельной собственности, а к закрѣпленію за фермерами, на правах частной собственности, той земли, которой они раньше пользовались на правах аренды. Западно-европейская деревня осталась до настоящаго времени почти совершенно равнодушной к проповѣди земельной реформы. Вмѣстѣ с тѣм, земледѣльческія массы Запада почти не выдвинули требованія расширенія своего землевладѣнія. Клич Арча: «три акра и корову» не вызвал никакого могущественнаго общественнаго движенія. Почему же русскій крестьянин так энергично выступает с требованіем земли и обнаруживает такую очевидную склонность к самому радикальному разрѣшенію земельного вопроса?

Отвѣтить на это не трудно. Прежде всего,

как было указано, земельный вопрос приобретает особую остроту для страны лишь тогда, когда страна сохраняет земледѣльческій характер. В странах промышленнаго типа, как Англія, Германія, Бельгія, отчасти Франція, центр тяжести соціальнаго вопроса переносится из деревни в город и из области земельных отношеній в область отношеній труда и капитала. Другой, связанной с тѣм же, причиной слабости западно-европейскаго аграрнаго движенія в пользу земельной реформы, является, характерное для новѣйшей экономической эволюціи Запада, паденіе численности земледѣльческаго населенія. Деревня пустѣет, благодаря тому, что населеніе уходит в город, гдѣ находит себѣ болѣе выгодные заработки. В Англіи земледѣльческое населеніе правильно сокращается из десятилѣтія в десятилѣтіе уже около полувѣка. То же наблюдается и в других промышленных странах Запада:

Численность земледѣльческаго населенія
(в тысячах).

Германія:		Франція:	
1882 г.	1895 г.	1881 г.	1891 г.
19.225	18.501	18.279	17.436

Таким образом, на Западѣ земельная тѣснота не растет, а падает. И, наконец, третьей причи-

ной, дѣйствующей в том же направленіи, является, замѣчающееся в послѣднее десятилѣтіе на Западѣ, значительное пониженіе земельной ренты и земельных цѣн. Все это вмѣстѣ, как я указывал выше, чрезвычайно ослабило в Западной Европѣ остроту конфликта между крупными землевладѣльцами и массой трудящагося земледѣльческаго люда. Хотя земли на душу населенія в промышленных странах Запада гораздо меньше, чѣм у нас, земледѣльческое населеніе этих стран, при интенсивности господствующей там системы земледѣлія, не страдает от малоземелья—и требованіе земли не выдвигается народными массами.

Аграрныя отношенія Россіи представляют собой совершенно иную картину. Россія до сих пор остается по преимуществу земледѣльческой страной. По данным послѣдней переписи для 74,92% населенія Европейской Россіи земледѣліе является главным занятіем. Земледѣльческое населеніе Россіи, в общем, быстро возрастает, в особенности на окраинах. Так, в малорусских губерніях со слабо развитой промышленностью населеніе возросло за 1885—1897 г. на 9,2%, в юго-западных губерніях на 29,2%, в Нижневолжских на 20,4% и т. д. (Только в промышленном центрѣ Россіи имѣется район, гдѣ наблюдается то же, что и в Западной Европѣ—отсутствіе прироста

или даже паденіе численности земледѣльческаго населенія, благодаря приливу населенія в города). Рост земледѣльческаго населенія вызывает рост нужды в землѣ, земельная тѣснота чувствуется все острѣе. В связи с этим наблюдается еще болѣе быстрый рост арендных и земельных цѣн. Первый подъем арендных цѣн приходится у нас на первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьян; в нѣкоторых губерніях арендныя цѣны къ половинѣ 80-х годов, сравнительно с началом 60-х годов, утроились, учетверились или повысились еще болѣе. Затѣм подъем арендных цѣн нѣсколько пріостановился. Со второй половины 90-х годов повышательное движеніе арендных цѣн возобновляется. Еще значительнѣе повысились за это время земельныя цѣны, о чем может дать нѣкоторое грубое представленіе увеличеніе (средних для всей Россіи) цѣн, платимых за землю крестьянами при покупках через посредство Крестьянскаго банка.

Вот эти цѣны за послѣдніе годы:

Г О Д Ы.	Цѣна 1 десятины.	Г О Д Ы.	Цѣна 1 десятины.
	Рубли.		Рубли.
1891	39	1897	71
1892	45	1898	76
1893	50	1899	78
1894	49	1900	83
1895	52	1901	91
1896	49	1902	108

Итак, аграрныя отношенія Россіи развивались за послѣднія десятилѣтія в діаметрально-противоположном направленіи, сравнительно с таковыми же Западной Европы. Вообще, наш аграрный строй во многих смыслах представляет собой нѣчто весьма оригинальное и своеобразное. Мы знаем страны крупных и мелких аренд (Англія и Ирландія), страны широкаго развитія крестьянскаго хозяйства (Франція, южная Германія, Бельгія, Швеція, Данія и др.), но страной крестьянской аренды является почти одна Россія. Только в Италіи наблюдаются аграрныя отношенія сходнаго характера, но все же не в такой степени развитія. На это обратил вниманіе изслѣдователь русской крестьянской аренды, покойный Карышев. В своей работѣ «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды» он отмѣчает то обстоятельство, что на Западѣ крестьяне лишь в небольшой мѣрѣ прибѣгают к арендѣ чужой земли, а ведут свое хозяйство почти всецѣло на собственной землѣ. Аренда имѣет в этих странах, главным образом, капиталистическій характер: арендатором выступает не крестьянин, но фермер-капиталист. Только в Ирландіи некапиталистическая, продовольственная аренда (т.-е., аренда трудового земледѣльца, работающаго не для барыша, а для собственнаго прокормленія) имѣет еще большее распространеніе.

ніе, чѣм в Россіи. Но в Ирландіи мелкій фермер не имѣет земли—и в этом его отличіе от нашего крестьянина-арендатора, который хотя и имѣет свою землю, но имѣет ея, в то же время, так мало, что не может просуществовать без приарендованія чужой земли. По расчетам Карышева, около 42% крестьянских дворов арендуют землю, площадь которой превышает 30% всей собственной крестьянской земли. Итак, почти половина наших крестьян ведет свое хозяйство лишь при помощи найма чужой земли; что же касается до остальной половины, то большая часть ея лишь потому не арендует земли, что неоткуда этой аренды взять. Указанная особенность русских аграрных отношеній — широкое распространеніе крестьянской аренды — имѣет чрезвычайно важное социальное значеніе. Крестьянин-арендатор есть совершенно иной социальный тип, чѣм знакомы Западу фигуры крестьянина, ведущаго хозяйство только на собственной землѣ, и безземельнаго батрака-пролетарія. Наш крестьянин далеко не пролетарій; у него есть свое хозяйство, которое он страстно любит и с которым он может разстаться только под давленіем крайней необходимости. Власть земли, которая тяготѣет над ним, не есть власть чуждой и враждебной силы, как, напр., власть капитала над пролетаріем; земля—это кор-

милица и поилица нашего мужика, за которой он ухаживает и в которой он видит основу собственного существованія. У него есть своя лошадь, корова, борода, плуг, своя хата.

Поэтому психика нашего мужика не есть пролетарская психика, но и не психика западно-европейскаго крестьянина-собственника. Мечтой — но мечтой несбыточной — нашего крестьянина является зажиточное собственное, самостоятельное хозяйство. Для этого у него есть рабочія силы, но не хватает самого главнаго — земли. Земли у него мало. Понятно, что земля и явилась важнѣйшимъ экономическимъ требованіемъ нашихъ народныхъ массъ.

При наличности огромной нужды крестьянъ въ землѣ, принадлежащей, на правахъ частной собственности, крупнымъ землевладѣльцамъ, крестьянское правосознаніе, естественно, склоняется къ возрѣнію на землю, какъ на «даръ Божій», какъ на нѣчто, не подлежащее присвоенію въ частную собственность. В то время, какъ на Западѣ въ крестьянской средѣ выработалась фанатичная любовь къ собственности, нашъ крестьянинъ, для котораго земельная собственность выступаетъ въ видѣ преграды къ расширенію его собственнаго хозяйства, склоняется къ отрицательному отношенію къ этому соціальному институту.

Характерно, что так смотрят на землю не только общинники, но и подворные крестьяне.

Во многих мѣстностях Полтавской губерніи крестьяне никогда и не слыхали об общинном землевладѣніи. Это не мѣшает полтавскому мужику совершенно так же разсуждать об общем передѣлѣ земли, как разсуждают о том же саратовскіе или орловскіе мужики.

Малоземелье приводит, как сказано, к необходимости для крестьянина арендовать помѣщичью землю; а так как наше земледѣльческое населеніе быстро растет и отливает ему из деревни некуда, то естественно, что нужда в землѣ чувствуется все острѣе и острѣе. Предпринимательская аренда является у нас исключеніем; преобладающій тип—аренда крестьянина для продовольственных цѣлей, так называемая, продовольственная аренда. Высота арендных цѣн при продовольственной арендѣ опредѣляется не чистой доходностью сельскохозяйственнаго предпріятія на данном участкѣ земли, а, прежде всего, степенью нужды в землѣ со стороны арендатора-земледѣльца. Чѣм гуще земледѣльческое населеніе, тѣм больше и спрос на землю со стороны земледѣльца, а, слѣдовательно, тѣм выше может быть поднята и арендная плата. Повышеніе арендной платы вызывается в этом слу-

чаѣ не увеличеніем производительности почвы, не большей интенсивностью земледѣльческаго хозяйства и не улучшеніем условій сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, а ухудшеніемъ положенія арендатора-земледѣльца, принужденнаго довольствоваться меньшей долей вырабатываемаго им продукта.

Для новѣйшей исторіи русскихъ аграрныхъ отношеній крайне характеренъ ростъ цѣнъ именно продовольственной аренды. Такъ, напр., для Полтавской губ., по свѣдѣніямъ текущей земской статистики (см. «Сводъ данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства в Полтавской губ. за 15 лѣтъ 1886—1900 г.») арендные цѣны измѣнялись в 90-х годахъ слѣдующимъ образомъ:

Г О Д Ы.	Продовольственная аренда в р. за 1 десятину (сѣмка земли).	Предпринимательская аренда в р. за 1 десятину (аренда земли).	Разница между ними.	
			В рублях.	В % к цѣнѣ предпринимательской аренды.
1890	8,61	6,56	2,05	31
1891	9,00	6,94	2,06	30
1892	9,43	7,04	2,39	34
1893	9,73	7,35	2,38	32
1894	8,93	6,53	2,40	31
1895	7,93	5,96	1,97	33
1896	8,33	5,83	2,50	43
1897	8,88	6,00	2,88	48
1898	10,14	6,52	3,62	56
1899	11,23	7,42	3,81	51
1900	12,60	8,68	3,92	45

*

За трехлѣтіе 1890—1892 гг. плата за арендуемую десятину равнялась в Полтавской губерніи, при предпринимательской арендѣ, 6 р. 84 к.; за трехлѣтіе 1898—1900 гг. она достигла 7 р. 54 к., т. е., повысилась на 70 к. При продовольственной же арендѣ та же плата равнялась за первое трехлѣтіе—9 р. 1 к., а за второе—11 р. 32 к., т. е., повысилась на 2 р. 31 к. За первое трехлѣтіе плата при продовольственной арендѣ превышала плату при предпринимательской арендѣ приблизительно на $\frac{1}{3}$ послѣдней, за второе же трехлѣтіе уже болѣе, чѣм на $\frac{1}{2}$. Отсюда слѣдует, что рѣзкое повышение платы за арендуемую крестьянами землю, характерное для второй половины 90-х годов, лишь в небольшой мѣрѣ обусловливалось увеличеніем производительности земледѣльческаго хозяйства; главным же образом, повышение это было вызвано ростом нужды крестьянина в землѣ, соглашавшагося платить за землю какую угодно цѣну, лишь бы не ликвидировать своего собственного хозяйства.

Эта тѣсная связь высокой арендной платы с крестьянской нуждой замѣчается повсемѣстно в Россіи. Чѣм меньше обезпечен крестьянин земель, чѣм ниже его надѣл, чѣм он бѣднѣе, тѣм больше он принужден платить за землю. В Ря-

занском уѣздѣ крестьяне, имѣющіе надѣльной пашни 1,5—3 десятины платят, в среднем, за десятину арендуемой земли 11 р. 21 к., имѣющіе 3—5 десятин платят 6 р. 49 к., а имѣющіе свыше 5 десятин платят за десятину, в среднем, лишь 5 р. 77 к. В Орловском уѣздѣ арендная плата за десятину под озимое в районѣ худших почв, производительность которых равняется 50—75 (принимая за 100 производительность наилучших почв уѣзда), достигает 20 р. 70 к., а арендная плата под озимое в районѣ лучших почв с производительностью в 75—100 спускается до 19 р. 70 к. Такой странный факт—болѣе высокая плата за худшія земли—находит свое объясненіе в том, что в Орловском уѣздѣ в районах худшей почвы крестьянскій надѣл меньше и, слѣдовательно, крестьянская нужда в землѣ острѣе, чѣм в районѣ лучших почв (см. статью А. Мануилова. «Аренда земли в Россіи». «Очерки по крестьянскому вопросу». Выпуск II).

Подобные же факты наблюдаются и в других губерніях. Неудивительно, что при таком положеніи дѣла продовольственная аренда, по сообщеніям земских статистиков из различнѣйших мѣст Россіи, сплошь и рядом не только не дает арендатору никакой прибыли, но нерѣдко далеко не обезпечивает и нормальной оплаты его

труда. Так, в Херсонской губернии крестьяне «снимают землю не столько ради чистой выгоды с нея, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда нибудь свой труд». В Орловском уѣздѣ «крестьяне говорят, что от аренды им остается одна солома. Они не ведут бухгалтерских счетов, а если бы вели их, то, может быть, замѣтили бы, что при арендных цѣнах, регулируемых не производительностью почвы и доходностью земли, а все возрастающей нуждою самих крестьян в землѣ, и при той высотѣ арендной платы, которую застало мѣстное изслѣдованіе, даже не вся солома остается в их распоряженіи». В Саратовской губернии доход со снимаемой крестьянами земли не достигает в нѣкоторых уѣздах нормальной стоимости обработки этой земли. В Симбирской губернии «труд крестьян по обработкѣ (снимаемой) земли и уборкѣ хлѣба окупается лишь в урожайные годы и только при достаточно высоких цѣнах на хлѣб». В различных уѣздах Полтавской и Херсонской губерній съемная плата за землю, по расчетам земских статистиков, значительно превышает чистую доходность земли. Вмѣстѣ с тѣм повсемѣстно констатируется, что плата за землю при продовольственной арендѣ значительно превышает таковую же плату при арендѣ предпринимательской.

Таков общій характер наших крестьянских аренд. Но во многих случаях онѣ обставляются для крестьянина еще болѣе тягостными условіями.

При освобожденіи крестьян, крестьянскій надѣл вообще был урѣзан, но особенно были урѣзаны выгоны и сѣнокосы. Между тѣм эти угодыя безусловно необходимы крестьянину для того, чтобы он мог вести свое земледѣльческое хозяйство; он принужден поэтому во что бы то ни стало снимать названныя угодыя в аренду у своего бывшего помѣщика. Зависимость крестьянина от помѣщика еще увеличивается нерѣдко тѣм, что крестьянскіе надѣлы сплошь и рядом расположены очень неудобно относительно частновладѣльческих земель. Помѣщичья земля, напр., врѣзывается клином в крестьянскую, дѣлит ее на части, помѣщается в центрѣ крестьянских надѣлов, отрѣзывает их от рѣки или дороги. В подобных случаях крестьяне волей неволей должны арендовать «отрѣзы» помѣщичьей земли, мѣшающіе им вести свое хозяйство.

Все это вмѣстѣ объясняет, почему крестьяне принуждены платить за арендуемую землю значительно выше, чѣм платят за ту же землю арендаторы не из под неволи. В цѣнѣ продовольственной аренды слѣдует, вообще, различать двѣ

части: одна часть представляет собой оплату чистой доходности арендуемой земли, и соотвѣтствует естественной, дифференціальной земельной рентѣ, законы которой установлены Рикардо; другая часть составляет собой то, что можно назвать монопольной рентой. Дифференціальная земельная рента представляет собой, как указано в первой главѣ, необходимое слѣдствіе естественных условій веденія земледѣльческаго хозяйства. Болѣе плодородная почва дает больше сбора, чѣм менѣе плодородная; участок расположенный ближе к мѣсту сбыта продуктов земледѣлія позволяет сберегать часть расходов по перевозкѣ этих продуктов; введеніе болѣе интенсивной системы земледѣлія, увеличивает сумму продуктов, собираемых с земли. Таким образом, возникает та избыточная доходность земледѣльческаго предпріятія, которая в видѣ дифференціальной ренты присваивается землевладѣльцем. Создается она, разумѣется, не землевладѣльцем, но и не земледѣльцем, работающим на данной землѣ: дифференціальная рента есть продукт общих условій земледѣльческаго хозяйства в данном районѣ и рост ея есть естественный результат развитія и роста всего общества. Проведеніе новой желѣзной дороги, открывающей для мѣстнаго земледѣлія новые рынки сбыта, во много раз повышает земельную ренту

прилегающей мѣстности, без всяких усилій со стороны земледѣльца. Вообще, так как земля не создается земледѣльцем, то, очевидно, и избыточный доход с земли не может быть продуктом труда этого земледѣльца.

Дифференціальная земельная рента составляет, как сказано, неустранимый результат естественных условій земледѣльческаго производства и потому исчезнуть не может. Если бы вся земля извѣстной страны была признана собственностью государства, это не оказало бы никакого вліянія на высоту дифференціальной земельной ренты в этой странѣ; перемѣнились бы только лица, получающія ренту — она стала бы поступать в пользу государства, а не частных землевладѣльцев, то нисколько не уменьшилась бы по своим размѣрам.

Иной характер имѣет та часть арендной платы, которую я назвал монопольной рентой. Эта рента есть продукт не естественных, но всецѣло социальных условій земледѣльческаго производства. Клочек помѣщичьей земли отрѣзывает крестьянскій скот от рѣки. Быть может, эта земля — один песок и непригодна ни для какой культуры. Если бы крестьяне владѣли этой землей, то они не могли бы извлечь из нея никакой выгоды. Но в руках помѣщика клочек этот может явиться

источником весьма значительнаго дохода, так как, владѣя им, помѣщик может препятствовать крестьянам пользоваться рѣкой и, чтобы избавиться от этого препятствія, крестьяне согласятся платить помѣщику значительную сумму денег. Рента, поступающая с такого участка, очевидно, не имѣет ничего общаго с дифференціальной рентой, вытекающей из естественных преимуществ производительности почвы.

Поскольку плата за продовольственную аренду превышает плату за предпринимательскую, капиталистическую, постольку эта избыточная арендная плата является монопольной рентой, результатом эксплуатаціи крестьянской нужды, а не эксплуатаціи производительности почвы. Как извѣстно, наш крестьянин собирает не больше, а меньше продукта с почвы, чѣм предприниматель-капиталист; почему же он платит за землю больше? Очевидно, потому, что он больше нуждается в землѣ, потому, что он вынужден отсутствіем посторонних заработков и недостаточностью собственной земли отказываться в пользу помѣщика не только от дифференціальной ренты с этой земли, но и от всей прибыли на затрачиваемый им сельскохозяйственный капитал, и даже от части своей заработной платы. Помѣщик, пользуясь своей экономической мощью,

присвоивает при отдачѣ земли крестьянину значительно большую долю земледѣльческаго продукта, чѣм он мог бы присвоить при отдачѣ земли болѣе сильному капиталисту-арендатору. Конечно, послѣдній никогда не согласился бы на такой дѣлеж, на который принужден идти орловскій крестьянин—оставлять себѣ солому, а помѣщику отдавать зерно.

Чрезвычайный рост земельных цѣн, наблюдавшійся за послѣднее десятилѣтіе почти повсемѣстно в Россіи, был вызван ростом не столько дифференціальной, сколько монопольной ренты. Крестьянское населеніе возрасло, нужда в землѣ увеличилась—и мужик стал довольствоваться еще меньшей долей вырабатываемаго продукта, чѣм прежде. Поэтому возрасла и цѣна земли. Вот, напр., данныя за 6 лѣтъ для Полтавской губерніи относительно условій съемки помѣщичьей земли крестьянами с копны (из доли урожая):

Г О Д Ы.	Доля владѣльца (число случаев на 100).			Кромѣ того случаев доплат (число случаев на 100).
	$\frac{1}{2}$	$\frac{2}{5}$	$\frac{1}{3}$	
1895	72	5	23	32
1896	73	5	22	37
1897	74	4	22	33
1898	84	3	13	точных данных нѣтъ.
1899	86	3	11	42
1900	86	4	10	45

Мы видим, что процент случаев, когда доля владѣльца составляет половину всего урожая, за 6 лѣтъ значительно увеличился, а процент случаев, когда владѣльцу остается лишь $\frac{1}{3}$ урожая, уменьшился; одновременно увеличился и процент случаев, когда владѣлец, не довольствуясь долей урожая, требует еще денежной доплаты.

На ростѣ крестьянскаго малоземелья, крестьянской бѣдности и нищеты, строится богатство помѣщика, монопольная рента котораго увеличивается, а, соотвѣтственно этому, увеличивается и цѣна земли. Соціальный смысл и значеніе роста дифференціальной ренты и монопольной ренты не только различен, но даже противоположен. Рост дифференціальной ренты указывает на прогресс земледѣлія, на переход к болѣе интенсивному и производительному хозяйству, иначе говоря, на рост народнаго богатства. Напротив, рост монопольной ренты свидѣтельствует лишь о растущей нуждѣ крестьянина в землѣ, об отсутствіи у него посторонних заработков, о слабом развитіи промышленности, о народном обѣднѣніи.

Дифференціальная рента неустранима и высота ея не может быть уменьшена государственной властью. Напротив, монопольная рента

есть огромное социальное зло, с которым государство может и должно бороться.

Монопольная рента указывает на нужду крестьянина в землѣ. Под вліяніем этой нужды крестьянин готов бѣжать хоть на край свѣта, лишь бы основать свое самостоятельное хозяйство. В Россійской Имперіи имѣются необъятныя пространства слабо заселенной или совсѣм незаселенной земли. Одна Сибирь могла бы, повидимому, дать мѣсто для многих сотен милліонов переселенцев. Неудивительно, что широкая организація переселенія долгое время казалась русскому обществу самым дѣйствительным средством рѣшенія нашего аграрнаго вопроса.

Однако, в настоящее время нельзя предаваться на этот счет прежним оптимистическим иллюзіям. Как ни много в разных частях Азіатской Россіи пустыющей земли, пригодной для заселенія земли сравнительно мало. Лучшим знатоком переселенческаго вопроса является у нас, безспорно, А. А. Кауфман. И вот к какому заключенію приходит этот превосходный изслѣдователь в своей новѣйшей работѣ «Переселеніе и колонизація»: «в распоряженіи государства, — говорит он, — имѣется лишь очень немного — по сравненію с потребностью — земель, годных для переселенцев из наиболѣе нуждающейся в улуч-

шеніи условій крестьянскаго землевладѣнія, черноземной полосы; при этом переселеніе связано с колоссальным риском, — полную неудачу претерпѣвает в настоящее время, по меньшей мѣрѣ, половина всѣх переселяющихся; переселеніе, унося ничтожную долю годичнаго прироста населенія в малоземельных мѣстностях, не только не может привести к разжиженію населенія и к удаленію его избытка, но неспособно даже задержать дальнѣйшаго ухудшенія этих условій и дальнѣйшаго обостренія кризиса крестьянскаго хозяйства».

Ежегодный прирост населенія Россіи равняется, приблизительно, двум милліонам душ. Между тѣм, число переселенцев в Сибирь достигло в 1896 г. своего максимума — 186 тысяч душ, а затѣм стало падать и в послѣдніе годы (до войны, пріостановившей переселеніе совсѣм) упало значительно ниже 100 тысяч в год. В настоящее время в коренной Сибири почти единственным колонизаціонным фондом являются таежныя земли, среди дѣвственных лѣсов которых имѣются участки, пригодные для заселенія. Этих земель, без сомнѣнія, чрезвычайно много, но дѣло в том, что огромное большинство переселенцев селиться на них отказывается. «Лѣсныя земли не соответствуют хозяйственным потребностям и привычкам преобладающей массы переселенцев...

лѣсные участки сколько-нибудь охотно заселяются только выходцами из лѣсных районов, и вовсе не могут разсматриваться как колонизаціонный фонд, пригодный для переселенцев из южной и даже, в значительной мѣрѣ, из средней Россіи— т.-е., именно из тѣх районов, которые до сих пор дают еще подавляющее большинство переселенцев».

Правда, коренной Сибирью не исчерпываются мѣста, куда могут направиться переселенцы. В Киргизских степях имѣется также земли для заселенія, и, к тому же, земли степныя. Но этих земель, сравнительно, не много. «За 11 лѣт форсированных землеотводных работ общая площадь образованных участков не достигла даже трех милліонов десятин... и эти области ни в каком случаѣ—предполагая данныя или могуція быть предвидѣнными сельскохозяйственно-техническія и экономическія условія — не дадут еще такой же площади земель, годных для крестьянской колонизаціи».

Пріамурскій и Уссурійскій край, несмотря на свои естественныя богатства, также не пригодны для большинства переселенцев, благодаря лѣсному характеру земель.

«Пріамурье не может служить пріемником для больших масс переселенцев из тѣх южных,

малорусских, вообще черноземных губерній, для которых теперь уже окончательно закрыта предбайкальская Сибирь».

Заселеніе Туркестана русскими переселенцами встрѣчает препятствіе в недостаткѣ воды; кромѣ того, права и интересы мѣстнаго населенія не допускают широкой колонизаціи из Россіи. Точно такъ же «русская колонизація Закавказья неизбежно столкнулась бы с насущными земельными правами и интересами туземнаго населенія; сравнительно ограниченному туземному фонду Закавказскаго края противостоит многочисленное безземельное и малоземельное мѣстное населеніе, насущнѣйшія нужды котораго, конечно, не могут быть принесены в жертву интересам русскаго переселенія».

В сѣверных губерніях Россіи имѣются огромныя площади пустующих казенных земель; но это опять таки лѣса, в которых не станут селиться крестьяне черноземных губерній. И, таким образом, перебрав одни за другим все районы Россійской Имперіи, мы приходим к убѣжденію, что надежду, путем переселенія уменьшить земельную тѣсноту в коренной Россіи, слѣдует признать совершенно несбыточной: переселеніе не только не может разрѣдить русскаго земледѣльческаго населенія (как, напр., разрѣ-

дилось земледѣльческое населеніе Ирландіи, благодаря эмиграціи в Соединенные Штаты), но даже оно не может существенно ослабить неизбѣжный рост земельной тѣсноты, благодаря приросту населенія. «Переселеніе, — говоря словами А. А. Кауфмана, — оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или иную общину, волость, быть может, на уѣзд, откуда уходит на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляет собой нуль, *quantité negligible*, с точки зрѣнія общаго хода развитія русскаго хозяйства. Оно безсильно стать *фактором* этого развитія, а остается лишь болѣзненным *симптомом* его ненормальнаго положенія — наружным страданіем, происходящим от глубоких внутренних причин».

Итак, крестьянское малоземелье не может быть устранено широкой организаціей переселенія, за неимѣніем свободных и пригодных для этой цѣли колонизаціонных земель. Добровольная покупка крестьянами частновладѣльческой земли при посредствѣ, напр., Крестьянскаго банка является столь же недѣйствительным средством борьбы с малоземельем. За все время двадцатидвухлѣтняго существованія Крестьянскаго банка крестьяне увеличили площадь своего землевладѣнія при посредствѣ банка лишь нѣсколько болѣе, чѣм на 7 милліонов десятин, т.-е., менѣе

чѣм на 6⁰/₀ своей надѣльной площади. Разумѣется, и такое увеличеніе не является величиной ничтожной. Но плохо то, что по самой силѣ вещей, как учрежденіе кредитное, ведущее свои операціи на коммерческом основаніи, банк, с одной стороны, оказывает помощь лишь болѣе состоятельной части крестьян, с другой же стороны, оказывает эту помощь на условіях для крестьян весьма убыточных. Существованіе доплат препятствует бѣднѣйшей части крестьянства пользоваться услугами банка; а принцип добровольнаго соглашенія покупателя и продавца, лежащій в основаніи всей дѣятельности банка, ведет к повышенію цѣны земли, покупаемой при посредствѣ банка. Хотя основной причиной повышенія земельных цѣн за послѣдніе годы в Россіи являются такія коренныя причины, как, напр., рост монопольной ренты землевладѣльцев, под вліяніем роста земельной тѣсноты, все же не подлежит сомнѣнію, что и Крестьянскій банк не мало содѣйствовал этому результату, создавая усиленный спрос на продаваемую землю. Крестьянскій банк гораздо болѣе помогал дворянам, давая им возможность по высоким цѣнам ликвидировать свое землевладѣніе, чѣм крестьянской массѣ, которая несла на себѣ послѣдствія вздорожанія земельных цѣн.

Итак, чѣм же помочь крестьянину, голодающему на своем надѣлѣ? В наших общественных кругах очень популярна мысль, что не расширение крестьянскаго землевладѣнія, а переход к болѣе интенсивной системѣ земледѣлія, поднятіе производительности земледѣльческаго труда является истинным выходом из современнаго тяжелаго состоянія нашей деревни. Крайняя отсталость нашего крестьянскаго хозяйства вполне очевидна и, конечно, нельзя отрицать необходимости поднятія его в техническом отношеніи. Мало того, совершенно ясно, что поднятіе техники земледѣлія обѣщает дать нашему крестьянину несравненно больше, чѣм любое, практически возможное, расширение его землевладѣнія, ибо и существующій у нас надѣл, при той степени производительности труда, которая достигается, напр., бельгійским крестьянином, был бы вполне достаточен для зажиточнаго крестьянскаго хозяйства. 5—6 десятин на двор показались бы бельгійскому крестьянину огромным земельным богатством. Итак, необходимо всѣми силами, неослабно и неустойчиво, стремиться к повышенію производительности труда крестьянина; об этом уже хлопочет земство и когда оно получит свободу дѣятельности, тогда его мѣропріятія в этом отношеніи должны пріобрѣсть несравненно болѣе

широкій размах. Но все же, противопоставленіе улучшенія земледѣльческой техники расширенію площади землепользованія кажется мнѣ, в данном случаѣ, величайшей ошибкой. Необходимо *и* поднятіе техники *и* расширеніе землепользованія, а не поднятіе техники *или* расширеніе землепользованія. Одно не исключает, но дополняет, или даже требует другого. Безземельным или владѣльцам нищенских надѣлов нужно, прежде всего, получить землю, а потом уже думать об улучшеніи приѣмов ея обработки. Для крестьян, ведущих хозяйство в большей или меньшей части на арендуемой землѣ, самыя условія краткосрочной аренды дѣлают невозможным интенсивное земледѣліе. Условія землепользованія кладут в этом случаѣ непреодолимую преграду техническому прогрессу. Лишеніе крестьян выгонов и сѣнокосов точно также самым дѣйствительным образом препятствует улучшенію крестьянскаго скотоводства. Малоземелье, ведущее к тому, что крестьяне чрезмерно расширяют площадь своей запашки, или даже распахивают всю землю сплошь, уничтожают сѣнокос и, наконец, самое паровое поле, не давая землѣ отдыхать и тѣм в концѣ ее истощая, как это практикуется во многих уѣздах Полтавской губерніи, гдѣ крестьяне, под вліяніем малоземелья, переходят от трехполья к

пестрополью, есть само по себѣ причина регресса земледѣльческой техники. Извѣстно, каким препятствіем для развитія крестьянскаго травосѣянія является ограниченность крестьянскаго надѣла; именно эта причина мѣшает, по словам московскихъ земскихъ агрономов, введенію травосѣянія во многихъ общинахъ московской губерніи.

Вообще, для поднятія техники земледѣлія требуется извѣстный достаток, требуются средства, капитал; кто едва существуетъ впроголодь на распаханномъ клочкѣ земли, тому поневолѣ приходится оставить всякія мечты о рациональной культурѣ. Получается порочный круг: чтобы выбиться изъ нужды, для этого нужно поднять технику земледѣлія, а чтобы поднять технику земледѣлія, для этого нужно выбиться изъ нужды. Увеличеніе площади землепользованія и есть выходъ изъ этого круга.

Впрочемъ, и помимо этого ясно, что какова бы ни была агрономическая техника, съ 10 десятинъ земли крестьянинъ будетъ больше собирать, чѣмъ съ 5 десятинъ; иными словами, выигрышъ крестьянина отъ расширенія площади землепользованія останется во всякомъ случаѣ, какъ бы ни измѣнялась техника его хозяйства. Нужно, какъ я сказалъ, всѣми силами стремиться къ поднятію производительности крестьянскаго труда; но нужно, кромѣ

того, и расширить площадь крестьянскаго землепользованія, нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процесс, требующій для своего осуществленія многих лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждет и требует помощи немедленно. Голодающій человѣкъ просит у вас хлѣба, а вы ему говорите о могуществѣ и пользѣ знанія, о выгодах, которыя он получит, ставши человѣком образованным. вмѣсто куска хлѣба в рот, вы суete ему в руки книгу. Но что бы ни было в вашей книгѣ, какія бы золотыя слова в ней ни были написаны, какія бы важныя, святыя, высокія и полезныя истины в ней ни провозглашались, она камень в руках голоднаго и он будет прав, если швырнет ее вам обратно в лицо.

Итак, непосредственное чувство, подсказывающее нашему народу, что в данный момент ему нужна прежде всего земля, и что ничто ему этой земли замѣнить не может, в своей основѣ совершенно вѣрно. Откуда же взять мужику землю?

Земельная собственность распредѣлялась в 50 губерніяхъ Европейской Россіи в началѣ 90-х годов слѣдующимъ образом *):

---

*) По данным „Свода статистическихъ матеріалов, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“. 1894. Изд. Канцеляріи Комитета Министров.

Удобныя:	Милліоны десятин:
Земли крестьянскія надѣльныя	125,1
» купленныя крестьянами	5,7
» владѣльческія	96,1
» казенныя и удѣльныя	130,3

Крестьянская надѣльная земля составляет около $\frac{1}{3}$ территоріи Европейской Россіи. Государственныя земли превышают по своей площади надѣльныя земли крестьян и представляют собой, казалось бы, естественный фонд для удовлетворенія нужды крестьян в землѣ. Но, к сожалѣнію, почти вся казенная и удѣльная земля находится, как выше указано, под лѣсом и расположена в сѣверных губерніях Россіи, почему она так же непригодна для заселенія ея крестьянами, как и дѣвственная тайга Сибири. Что же касается до казенных и удѣльных земель, пригодных для земледѣльческой культуры, то их площадь достигает, по тѣм же данным, всего на всего 5,8 милліонов десятин. Большая часть этой, сравнительно ничтожной, площади располагается в Самарской, Астраханской, Херсонской и Пермской губерніях и служит арендным фондом для мѣстнаго крестьянскаго населенія. Во всѣх названных губерніях имѣются многочисленныя группы безземельных и малоземельных крестьян, которыя естественнѣе всего и могут предъявлять

притязанія на эти земли. Для массы же русскаго крестьянства земли эти, очевидно, недоступны.

Таким образом, ни о каком серьезном расширеніи крестьянскаго землепользованія не может быть и рѣчи, если не касаться частновладѣльческихъ земель. Только частные владѣльцы располагаютъ в Россіи обширной площадью пригодной для сельскохозяйственной культуры земли, которая могла бы облегчить все растущую земельную нужду крестьян.

Что же такое представляетъ собой эта площадь частновладѣльской земли, приблизительно, в 100 милліоновъ десятин (включая сюда и земли, купленные крестьянами)?

Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ распредѣленіе частнаго землевладѣнія по размѣрамъ землевладѣлія и числу владѣльцевъ в 49 губерніяхъ Европейской Россіи (кроме Области Войска Донскаго). Эти данныя, собранныя при земельной переписи 1878 г. и обработанныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, являются, понынѣ, несмотря на свою устарѣлость, единственными данными этого рода для всей Россіи *).

---

*) См. Приложение к очерку Каблукова „Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія в Европейской Россіи“ в извѣстной книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Т. I.

Размѣръ владѣнія на владѣльца.	Число владѣльцев в тысячах.	В % к общему числу владѣльцев.	Владѣмая площадь земли в тысячах десятин.	В % к общей площади.
До 50 десятин.	378	77,6	4,130	4,6
От 50—200 десятин	56	11,5	5,713	6,2
„ 200—500 „	24	5	7,951	8,7
„ 500—1000 „	13	2,7	9,218	10,1
Свыше 1000 „	16	3,2	64,308	70,4
Всего.	488	100	91,321	100

Таким образом, болѣе $\frac{2}{3}$ частновладѣльческой земли было сосредоточено в 1878 г. в руках владѣльцев очень крупных имѣній, превышающих 1000 десятин на владѣніе. В то же время число этих владѣльцев было ничтожно и равнялось всего 16 тысячам. Напротив, число владѣльцев, имѣнія которых не превышают 50 десятин, было сравнительно велико,—их насчитывалось 378 тысяч,—а площадь земли, находящаяся в их владѣніи, не достигала и $\frac{1}{20}$ всей частновладѣльческой земельной площади.

Землевладѣніе до 50 десятин на владѣніе принято относить в наших земских статистических сборниках к разряду мелкаго землевладѣнія. Среди владѣній этой группы значительно преобладают владѣнія ниже 20 десятин. Общій

характер земледѣльческаго хозяйства в этих владѣніях приближается к трудовому крестьянскому. Так, по словам составителей «Сборника статистических свѣдѣній по Курской губерніи», «на мелких участках (до 50 десятин) возможно хозяйство только при личном трудѣ и при участіи семейных работников, что составляет отличительный признак крестьянскаго хозяйства». Имѣнія этого типа принадлежат преимущественно крестьянам и служат, по словам одного земскаго сборника, «идеалом для большинства сельскаго (крестьянскаго) населенія». Составители статистическаго сборника по Мценскому уѣзду говорят, что «мелкое землевладѣніе (до 50 десятин), главнѣйшим представителем котораго является крестьянскій элемент, в хозяйственном отношеніи нисколько не отличается от обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства». Точно также в Лубенском уѣздѣ «мелкія хозяйства в имѣніях, не превышающих по своим размѣрам 50 д., отличаясь во многих отношеніях от хозяйств болѣе крупных имѣній, представляют весьма мало разницы с хозяйствами крестьянскими и казачьими». «Мелкіе владѣльцы занимают немного земли... Средній участок земли, приходящійся на 1 мелкое владѣніе (16,3 д.) очень близок к участку, принимаемому за нормальный рабочій участок, ко-

торый соответствует рабочей силѣ средней семьи». В таком же родѣ характеризуют мелкое землевладѣніе и другіе земскіе статистическіе сборники, в виду чего все это землевладѣніе слѣдует разсматривать, как высшую границу трудового, крестьянскаго хозяйства.

Приведенная выше таблица распредѣленія частнаго землевладѣнія страдает, как сказано, весьма существенным недостатком: она устарѣла болѣе, чѣм на четверть столѣтія. Эти четверть вѣка шла усиленная мобилизація земли и притом, преимущественно, в одном направленіи: мелкое землевладѣніе расло на счет средняго и крупнаго. Поэтому не может быть сомнѣнія, что в настоящее время частное мелкое землевладѣніе не играет у нас такой ничтожной роли, как в концѣ 70-х годов закончившагося вѣка. К сожалѣнію, болѣе новой статистики распредѣленія землевладѣнія по размѣрам владѣнія в Россіи, как сказано, не существует.

Однако, кое какое представленіе о современном положеніи вещей получить все же возможно. По отдѣльным губерніям у нас имѣются вполнѣ свѣжія данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія. Сравнивши эти данныя с данными по земельной статистики 1878 г. мы можем судить о размѣрѣ происшедших измѣненій по этим гу-

берніям, а отсюда можем сдѣлать заключеніе и относительно всей Россіи. В нижеслѣдующей таблицѣ сопоставляются данныя поземельной статистики Полтавской губерніи, при чем данныя 1878 г. заимствованы из вышеуказаннаго источника, а данныя 1903 г. — из «Статистическаго Ежегодника Полтавскаго Губернскаго Земства за 1904 г.».

Размѣръ владѣнія на 1 владѣльца.	Число владѣль- цев в ты- сячах.		В % к общему числу.		Владѣмая плоч. зе- мли в ты- сячах де- сятин.		В % к общей площа- ди.	
	В 1878 г.	В 1903 г.	В 1878 г.	В 1903 г.	В 1878 г.	В 1903 г.	В 1878 г.	В 1903 г.
До 50 десятин. . . .	26	21,6	83,9	82,5	238	246	11,8	15,2
От 50— 500 десятин.	4,3	4,0	13,8	15,4	643	567	31,8	35,1
„ 500—1000 „	0,4	0,3	1,2	1,2	273	235	13,5	14,6
Свыше 1000 „	0,3	0,2	1,1	1,8	867	567	42,9	35,1
Всего. . . .	31	26,2	100	100	2.022	1,614	100	100

Чтобы понять эту таблицу, нужно имѣть в виду нижеслѣдующее.

За прошедшую четверть вѣка значительная площадь земли перешла из рук дворян в руки сельских сословій—в Полтавской губерніи в руки казаков и крестьян. Между тѣм, в источниках, которыми пользовалось Полтавское земское из-

слѣдованіе 1904 г., земля, купленная отдѣльными казаками и крестьянами на правах частной собственности (и, во многих случаях, крупными имѣніями, так как крестьяне и казаки, владѣющіе сотнями и тысячами десятин в губерніи далеко не рѣдкость) отнесена по нѣкоторым уѣздам к земельным владѣніям сельских обществ. Именно этим и объясняется тот странный факт, что в 1878 г. в Полтавской губерніи значилось 2022 тысячи десятин частновладѣльческих земель, а в 1903 г. лишь 1614 тыс. дес. Недостающіе 408 тыс. дес. перешли, очевидно, в руки казаков и крестьян и потому не попали в регистрацію частновладѣльской земли.

И, дѣйствительно, площадь земли во владѣніи казаков и крестьян увеличилась, по тѣм же данным, с 1878—1903 гг. на 604 тысячи десятин. Все сокращеніе крупнаго и средняго землевладѣнія Полтавской губерніи (т.-е., землевладѣнія свыше 50 десятин на владѣніе) за четверть вѣка, 1878—1903 гг., выразилось по нашей таблицѣ 416 тысячами десятин (в 1878 г. было таких земель в Полтавской губ. 1784 т. д., а в 1903 г.—1368 т. д.), т.-е., 23% площади этого землевладѣнія. Дѣйствительное сокращеніе крупнаго и средняго землевладѣнія должно было быть далеко не так значительно, так как часть

земель, перешедших от других сословій (главным образом, дворян) к казакам и крестьянам осталась в крупном владѣніи.

Полтавская губернія принадлежит к числу тѣх губерній, в которых мобилизація земли идет с особенной быстротой и притом в смыслѣ особенно благопріятном для мелкаго землевладѣнія. Так, среди 45 губерній Европейской Россіи, относительно мобилизаціи земли в которых за 1863—1897 гг. имѣются свѣдѣнія, изданныя министерством финансов, Полтавская губернія занимала по числу сдѣлок третье мѣсто, по средним размѢрам сдѣлки—второе мѣсто снизу (только в одной губерніи—Курской—средній размѢр сдѣлки был 23 десятины—ниже, чѣм в Полтавской, в которой средній размѢр сдѣлки равнялся 28 десятинам), а по площади земли, перешедшей из рук в руки за это время,—15-ое мѣсто (для всей Россіи площадь проданной за 35 лѣт земли равняется 29% общей площади, а для Полтавской губерніи—41%). Итак, слѣдует думать, что во всей Россіи сокращеніе крупнаго и средняго землевладѣнія далеко не должно было достигать тѣх размѢров, как в Полтавской губерніи.

Поэтому, если в 1878 г. на долю мелкаго землевладѣнія приходилось в 49 губерніях Европейской Россіи около 4 милліонов десятин, то

теперь в тѣх же губерніях площадь мелкаго землевладѣнія возрасла, во всяком случаѣ, менѣе чѣм на $\frac{1}{5}$ площади крупнаго и средняго землевладѣнія (каковая равнялась, по вышеуказанным данным, 87191 т. д.). Если мы примем, что мелкое внѣнадѣльное землевладѣніе охватывает теперь во всей Россіи 20 милліонов десятин, то мы, надо думать, не увеличим еге дѣйствительных размѣров. В пользу этого предположенія говорит и тот факт, что при посредствѣ Крестьянскаго банка крестьяне купили, как сказано, всего около 7 милліонов десятин, и хотя крестьянскія покупки помимо банка превосходят первыя, тѣмъ не менѣе, в виду того, что при покупках помимо банка земли нерѣдко остаются в крупном владѣніи, можно думать, что расширеніе мелкаго землевладѣнія произошло за истекшее время преимущественно при посредствѣ Крестьянскаго банка.

Располагая всѣми этими данными, мы можем намѣтить общій характер земельной (аграрной) реформы, которая наиболѣе содѣйствовала бы экономическим условіям современной деревенской Россіи.

Как я указывал выше, земельная реформа (аграрная) только в том случаѣ может осуществиться, если этого будут требовать интересы массы земледѣльческаго населенія. Очевидно, что

націоналізація землі по типу Джорджа никоим образом не удовлетворила бы этому условию. Крестьянин никак не может сочувствовать тому, чтобы все налоги были переложены на землю. Поэтому о конфискации земельной ренты путем обложения всех земель налогом, равным земельной ренте, в России и думать нечего.

По сходным причинам неприменимы к русским условиям и все другие планы национализации земли, не проводящие никакого различия между крупным и мелким землевладением. Огромное большинство русского населения владеет землей и ни в каком случае от этого владения не откажется. Из этого нужно исходить при всяком проекте земельной реформы, претендующим на практическую осуществимость.

Не только надельные земли крестьян должны, по необходимости, остаться неприкосновенными, но и все мелкое землевладение не должно пострадать от реформы. В 1878 г. мелких владельцев считалось около 400 тысяч душ—с семьями, следовательно, около 2 миллионов; с тех пор число их увеличилось в несколько раз. Больше 1 миллиона домохозяев приобрело землю при посредстве Крестьянского банка. Общее число мелких землевладельцев (крестьян и некрестьян) должно в настоящее время далеко превышать, с

семьями, 10 миллион душ. Эти мелкие владельцы крепко держатся за свою землю и никому ее не отдадут.

Правда, может быть указано, что цифра 50 десятин, как верхняя граница мелкого землевладения, имеет более или менее произвольный характер: чем интенсивнее земледелие, тем ниже, очевидно, должна спускаться высшая граница мелкого, иначе говоря, трудового землевладения.

С этим я спорить, конечно, не буду. Я остановился на данной цифре лишь потому, что такова общепринятая классификация землевладения в наших земских статистических сборниках. Для отдельных губерний, с более интенсивным земледелием, она может быть слишком высока, для других, с хозяйством менее интенсивным, слишком низка. Но при господстве трехполья, т.-е. почти для всей нашей коренной России—цифра эта, как мне кажется, довольно правильно устанавливает высшую, предельную границу трудового земледельческого хозяйства—ту границу, за которой хозяйство уже обязательно должно вестись при помощи наемного труда. Замечу только одно—крестьянская масса мало заинтересована в том, чтобы граница мелкого, и потому неприкосновенного землевладения была значительно понижена, так как площадь земель этой категории (за исключе-

ніе, разумѣется, надѣльных крестьянских земель), сравнительно, очень невелика: всего на нее приходится, по нашему расчету, около 20 милліонов десятин. Если бы, напр., признать границей неприкосновеннаго владѣнія 20 десятин на двор (что уже вполне соотвѣтствовало бы обычному зажиточному крестьянскому хозяйству), то площадь свободной земли увеличилась бы лишь на какой-нибудь десяток милліонов десятин, т.-е., на такую величину, которую, при громадной площади крестьянскаго землевладѣнія, можно почти считать *quantité négligeable*. Между тѣм, чѣм выше проводится граница неприкосновеннаго владѣнія, тѣм меньше число лиц, интересы которых могли бы пострадать от проектированной реформы, а, слѣдовательно, и тѣм меньше у нея будет врагов и тѣм больше шансов ея осуществленія. Не нужно забывать, что мелкій землевладѣлец всего энергичнѣе держится за свою землю, и что именно в этой средѣ «фанатизм собственности» достигает своего крайняго развитія.

Итак, я принимаю, с указанными оговорками, 50 десятин высшей границей мелкаго неприкосновеннаго землевладѣнія. Но, конечно, владѣніе в таком же размѣрѣ должно быть признано неприкосновенным и у болѣе крупных собственников, т.-е., за каждым землевладѣльцем, каково бы ни было

его фактическое землевладѣніе, 50 десятин должны считаться неприкосновенными. Вся земля свыше этого размѣра должна бы подлежать, в случаѣ надобности, выкупу в интересах расширенія трудового крестьянскаго хозяйства.

Для выполненія выкупных операцій могли бы быть образованы в каждом уѣздѣ особыя земельныя уѣздныя комиссіи из лиц, избираемых для этой цѣли земскими собраніями (послѣ, разумѣется, преобразованія земства на демократических началах) и при участіи, в равном числѣ, выбранных представителей мѣстных землевладѣльцев, земли которых подлежат выкупу, и сельских обществ.

В обязанности этих комиссій должно входить опредѣленіе как цѣны выкупаемой владѣльческой земли, так и площади, подлежащей выкупу для расширенія землепользованія мѣстнаго трудового земледѣльческаго населенія. При опредѣленіи цѣны выкупа земельныя комиссіи должны бы руководствоваться слѣдующими соображеніями. В арендной платѣ, получаемой землевладѣльцами, необходимо различать, как выше указано, двѣ части — дифференціальную и монопольную ренту. Различія дифференціальной ренты с разных участков, как коренящіяся в естественных условіях сельскаго хозяйства на

этих участках, должны бы быть, по справедливости, оплачены тѣм, кто получает данный участок в свое пользованіе. В противном случаѣ, лица, получившія лучшіе участки земли, пользовались бы совершенно несправедливым преимуществом сравнительно с тѣми, кому достались худшіе участки. Поэтому дифференціальная рента должна бы, и по переходѣ земли государству, сохраняться в видѣ соотвѣтствующей платы за пользованіе участком, вносимой тѣм лицом или той группой лиц, в пользованіе кого этот участок переходит.

Платежи эти являются фондом, из котораго могут быть оплачены землевладѣльцам выкупаемая земля. Что же касается до монопольной ренты, то она, естественно, должна отпасть, так как выкуп частновладѣльческой земли именно и предпринимается для уничтоженія земельной нужды, на почвѣ которой возникает эта рента. Монопольная рента есть безусловное зло и государство никоим образом не может поддерживать сохраненіе такой ренты послѣ выкупа земли. Но если лица, в пользованіе которых поступят выкупленные участки, не будут оплачивать монопольной ренты, то, естественно, и прежніе собственники выкупленной земли должны будут этой ренты лишиться—ибо не откуда будет ея взять.

Выкупная цѣна должна, поэтому, опредѣляться земельными комиссіями слѣдующим образом.

Прежде всего должна быть установлена средняя валовая денежная доходность даннаго участка при средних условіях трудового земледѣльческаго, иначе говоря, крестьянскаго хозяйства (так как земля переходит в пользованіе некому иному, как трудовому земледѣльцу); из полученной суммы вычитаются средніе денежные расходы производства (при предположеніи таковаго же хозяйства), включая сюда как полную оплату труда по средним заработным платам данной мѣстности, так и израсходованную часть капитала, а равно и процент на весь капитал, затрачиваемый при обработкѣ земли и снятіи урожая. Излишек и образует собой дифференціальную земельную ренту, под условіем уплаты которой крестьянин получает землю в свое пользованіе.

Государство гарантирует землевладѣльцу получение этой ренты и на этом основывается установленіе выкупной цѣны земли. Дифференціальная рента капитализируется из рыночнаго процента для государственных займов в данный момент и, таким образом, получается выкупная цѣна имѣнія. Государство выдает землевладѣльцу выкупные листы, содержащіе в себѣ

обязательство государства ежегодно уплачивать предъявителю сумму денег, равную суммѣ дифференціальной ренты, вычисленной указанным способом, с выкупленного участка. Никакого процента погашенія выкупных листов устанавливаться не должно, ибо и государство ничего, кромѣ дифференціальной ренты, за выкупленные земли не получает.

Реализація этих выкупных листов предоставляется самим землевладѣльцам, которые имѣют полную возможность продать на биржѣ эти листы по биржевому курсу государственных процентных бумаг.

Если имѣніе заложено и цѣнность имѣнія, установленная указанным способом, превосходит сумму долга, то государство переводит на себя долг и погашает его единовременно или постепенно, а на излишнюю сумму выдает землевладѣльцу выкупные листы. Если же сумма долга превышает цѣнность имѣнія, то государство погашает долг, единовременно или постепенно, лишь в размѣрѣ цѣнности имѣнія.

Земельныя же комиссіи разрѣшают и самый вопрос о необходимости выкупа земли в интересах мѣстнаго трудящагося земледѣльческаго населенія. Я считаю совершенно неправильным столь популярный в настоящее время

пріем исходить при вычисленіи нормального крестьянскаго надѣла из норм 1861 г. Со времени освобожденія крестьян прошло болѣе 40 лѣтъ и всѣ хозяйственныя условія испытали съ тѣх пор глубочайшую перемѣну; поэтому нужно совершенно отказаться от мысли поправить весьма многочисленныя недочеты реформы 1861 г. или возстановить положеніе, бывшее при введеніи реформы. Нужно оставить всякія историческія справки, ничѣм не могущія помочь в крайне трудном настоящем, и исходить не из отошедшаго в глубь времен прошлаго, а из реально существующаго настоящаго. В этом отношеніи для наших общественных учреждений предстоит огромная работа по выясненію степени земельной нужды крестьян в каждой отдѣльной мѣстности. Правильнѣе всего было бы, повидимому, поступать при этом слѣдующим образом. Прежде всего слѣдовало бы опредѣлить, какое количество земли требуется въ данном уѣздѣ для доведенія земельного обезпеченія cadaго трудового земледѣльца уѣзда до средняго фактическаго размѣра крестьянскаго надѣла в уѣздѣ. Иначе говоря, всѣ крестьяне, имѣющіе земли на душу меньше средняго размѣра для крестьянскаго землевладѣнія в этом уѣздѣ, должны быть признаны имѣющими право на увеличеніе своего землепользованія до ука-

заннаго размѣра. Кромѣ того, земельная коммиссія должна бы опредѣлять и нормальный размѣръ крестьянскаго земледѣльческаго участка в уѣздѣ, исходя из нормальных потребностей крестьянской семьи и фактических условій земледѣльческаго хозяйства в уѣздѣ.

Таким образом, земельная коммиссія устанавливает двѣ цифры: во первых, площадь, необходимую для доведенія всѣх трудовых земледѣльцев уѣзда до средняго обезпеченія землей крестьян в уѣздѣ и, во вторых, площадь, необходимую для доведенія земельного обезпеченія всѣх трудящихся земледѣльцев уѣзда до высшаго, нормального обезпеченія землей.

Во всѣх уѣздах Россіи устанавливается указанным способом количество земли, потребной для доведенія всего земледѣльческаго населенія каждаго уѣзда: 1) до средняго обезпеченія землей в уѣздѣ и 2) до нормального обезпеченія землей. Вмѣстѣ с тѣм земельныя коммиссіи устанавливают и границу неприкосновеннаго мелкаго владѣнія (с утвержденія центрального вѣдомства землеустройства), чѣм опредѣляется площадь частновладѣльческих земель, подлежащих, в случаѣ надобности, выкупу.

Всѣ эти свѣдѣнія доставляются в центральное учрежденіе землеустройства Россіи, объединяю-

щее дѣятельность мѣстных комиссій. Прежде всего разрѣшается первая задача — обезпеченія безземельнаго и малоземельнаго земледѣльческаго населенія земель до средняго размѣра.

Если в нѣкоторых уѣздах для разрѣшенія этой задачи земли не хватает, то потребная земельная площадь отводится в других, по возможности, сосѣдних уѣздах, в которых имѣется избыток земли. По разрѣшеніи первой задачи, національное вѣдомство землеустройства опредѣляет, в какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе второй задачи — повышеніе средняго обезпеченія земель земледѣльческаго населенія Россіи до норм, выработанных уѣздными комиссіями (нормы эти подлежат измѣненіям и исправленіям со стороны національнаго вѣдомства землеустройства). При разрѣшеніи этой второй задачи національное вѣдомство землеустройства должно, очевидно, сопоставить количество земли, требующееся для этой цѣли во всей Россіи, с запасом свободнаго земельного фонда, имѣющагося в странѣ для этой цѣли и оставшагося за вычетом всей земли, уже потребовавшейся для снабженія земель малоземельных земледѣльцев. Таким образом опредѣлится, в какой мѣрѣ необходим выкуп всей, могущей подлежать выкупу, частновладѣльческой земли, или же часть ея может остаться невыкупленной.

Кромѣ расширенія площади крестьянскаго землепользованія, уѣздныя земельныя комиссіи должны принимать и другія мѣры для улучшенія условій крестьянскаго землевладѣнія. Так, онѣ должны исправлять очертанія крестьянскихъ земель и принимать мѣры к нормальному обезпеченію крестьян угодыями (особенно выгонами и сѣнокосами). Для этой цѣли комиссіи должны производить размежеванія череполосныхъ земель, производить обмѣнъ участковъ и, наконецъ, выкупать тѣ земли и угоды, которыя необходимы для правильной постановки крестьянскаго хозяйства.

Наконецъ, какъ это практикуется в Ирландіи, земельнымъ комиссіямъ должно быть предоставлено право производить разнаго рода улучшенія на выкупаемыхъ земляхъ, возводить на нихъ постройки, а также снабжать инвентаремъ нуждающихся крестьянъ и открывать имъ для этой цѣли кредитъ. Само собою разумѣется, что всѣ затраты такого рода не должны имѣть безвозмезднаго характера, но должны оплачиваться тѣми лицами, в пользу которыхъ онѣ производятся.

Выкупленная земля должна признаваться неприкосновеннымъ національнымъ земельнымъ фондомъ, предназначеннымъ для пользованія трудящагося земледѣльческаго населенія. Государство, черезъ посредство мѣстныхъ земельныхъ комиссій, дол-

жно распредѣлять эти земли, на правах вѣчно наслѣдственного аренднаго пользованія, между земледѣльцами, в соотвѣтствіи со степенью их земельной нужды—дополняя надѣлы хуже обезпеченных землею крестьян до средняго размѣра или повышая средніе размѣры земельного обезпеченія крестьян. Через опредѣленные промежутки времени — напр. каждая 12 лѣтъ, земельныя комиссіи должны пересматривать арендныя платы за земли, находящіяся в вѣчно наслѣдственном пользованіи крестьян, и устанавливать новыя в соотвѣтствіи с измѣнившейся чистой доходностью земли. Всякая передача земельных участков должна быть строго запрещена. Арендаторам должно быть предоставлено право во всякое время (с предупрежденіем за год) отказаться от аренды; за государством же должно быть оставлено право отнять землю, находящуюся в арендѣ, лишь в случаѣ неисполненія арендатором его обязательств (напр. в случаѣ неплатежа арендатором арендной платы в теченіе извѣстнаго срока, передачи его другому лицу и т. п.).

Однако, государство опредѣленно сохраняет за собой право, при каждом пересмотрѣ арендной платы (т.-е. каждая 12 лѣтъ), уменьшать площадь земли, сдаваемой в аренду данному кре-

стьянскому обществу или отдѣльному лицу, если таковое уменьшеніе требуется интересами болѣе равномернаго распредѣленія земли между трудящимся земледѣльческим населеніем. При этом, само собою разумѣется, цѣнность всѣх меліорацій, произведенных арендатором на отходящей от него землѣ, должна быть ему возмѣщена.

Вся частновладѣльческая земля, размѣръ владѣнія которой на одного владѣльца не превышает извѣстной нормы, устанавливаемой земельными комиссіями с утвержденія національнаго вѣдомства землеустройства, (я остановился, для примѣра, на 50 десятинах) остается, как сказано, в неприкосновенной собственности владѣльца; но, однако, лишь до тѣх пор, пока владѣлец сохраняет ее в своих руках. Если же владѣлец пожелает землю продать, то государство оставляет за собой право преимущественной покупки ея на тѣх же условіях, как и при выкупѣ болѣе крупных имѣній. Таким образом, земля будет постепенно и без всякаго насилія над мелкими владѣльцами все болѣе и болѣе скапливаться, в руках государства, пополняя неприкосновенный національный земельный фонд.

Хотя всѣ эти мѣры должны сильно сократить нужду крестьян в землѣ, тѣм не менѣе аренда земли может, хотя и в значительно мень-

ших размѣрах, сохраниться. Арендная плата с частновладѣльческих земель должна регулироваться тѣми же земельными комиссіями и устанавливаться в том же размѣрѣ, как и по отношенію к выкупленной земли.

При равномѣрном распредѣленіи земли между земледѣльческим населеніем разных мѣстностей Россіи, потребуются переселенія значительных масс крестьян из одних мѣстностей в другія; расходы по этим переселеніям государство должно принимать на свой счет и оказывать самую широкую помощь переселенцам при устройствѣ их на новых мѣстах.

Как велик будет земельный фонд, лежащій передатѣ в вѣчнонаслѣдственное пользованіе трудовому земледѣльческому населенію? При несовершенствѣ нашей земельной статистики дать на этот вопрос сколько нибудь точный отвѣтъ невозможно. В грубых чертах дѣло рисуется в слѣдующем видѣ. По данным канцеляріи комитета министров, в началѣ 90-х годов в 50 губерніях Европейской Россіи имѣлось около 102 мил. десятин частновладѣльческой удобной земли (включая сюда земли, купленные крестьянами, а также монастырскія земли и земли иных общественных учрежденій; эта цифра значительно превосходит приведенную выше цифру частновладѣльческаго

землевладѣнія по данным поземельной статистики 1878 г., благодаря, главным образом, включенію земель послѣдней категоріи). Мы приняли выше, что мелкое землевладѣніе охватывает в Европейской Россіи около 20 мил. десятин; включеніе в общій итог монастырских и иных общественных земель не может значительно повсѣсить этой цифры, так как землевладѣніе этой категоріи преимущественно крупное, почему мы можем допустить, что площадь средняго и крупнаго землевладѣнія в 50 губерніях Европейскій Россіи достигает, приблизительно, 80 мил. десятин (удобной земли).

Согласно изложенному проѣкту земельной реформы за каждым землевладѣльцем признается право сохранить неприкосновенными из своего владѣнія 50 десятин земли. Без сомнѣнія, многіе владѣльцы не воспользуются этим правом и предпочтут полностью ликвидировать свое землевладѣніе. Так, всѣ землевладѣльцы, имѣнія которых находятся в арендѣ (а площадь арендуемой частновладѣльческой земли должна быть во всей Россіи не менѣе 40 мил. десятин) не будут имѣть никакого мотива сохранять землю в своих руках и предпочтут передать ее государству. Но зато другіе владѣльцы раздѣлят свое владѣніе между членами своей семьи (что может быть допущено

законам лишь по отношенію къ членам той же семьи) с цѣлью сохранить в руках членов семьи возможно большую площадь земли. Общее число средних и крупных землевладѣльцев достигало, по данным 1878 г., 110 тысяч. Как показывают данныя для Полтавской губерніи за 1878—1903 г.г., число это за истекшее двадцатипятилѣтіе скорѣе сократилось, чѣм увеличилось (благодаря, главным образом, переходу земли в руки крестьян и вообще мелких владѣльцев). Допустивши, что крупные и средніе владѣльцы сохранять в своих руках около 10 мил. десятин, (т.-е. около 100 десятин на теперешняго владѣльца), мы вряд ли уменьшим площадь земли, которая останется за прежними крупными и средними владѣльцами.

Таким образом, около 70 миллионов десятин владѣльческой (удобной) земли может подлежать выкупу. Около 40% владѣльческой земли находится под лѣсами—но это только увеличивает цѣнность выкупаемой земли в тѣх мѣстностях, гдѣ лѣса мало *). Только в таких губерніях, как Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская и Пермская выкуп частновладѣльческих лѣсных

---

*) Само собою разумѣется, что при выкупѣ лѣсной земли цѣнность лѣса должна быть принята в расчет при опредѣленіи выкупной цѣны.

земель может оказаться совершенно излишним за наличностью в этих губерніях огромной незаселенной площади казенной лѣсной земли.

Частновладѣльческих лѣсов в названных 5 губерніях имѣется 9,3 мил. десятин. Итак, около 60 мил. владѣльческой земли может быть выкуплено государством.

К этой площади слѣдует прибавить болѣе 5 мил. десятин казенных и удѣльных земель, состоящих под оброчными статьями. Общій земельный фонд, который может быть употреблен на расширение крестьянскаго землепользованія на началах вѣчнонаслѣдственной аренды достигает, таким образом, приблизительно, 65 милліонов десятин.

По недавно опубликованным исправленным данным послѣдней переписи в 50 губерніях Европейской Россіи имѣлось 93,4 милліона населенія, при чем 74,92% этого населенія занималось, как своим главным промыслом, сельским хозяйством. Принимая в соображеніе прирост населенія за время, прошедшее послѣ переписи, мы можем принять, что в Европейской Россіи около 77 милліонов людей живут сельским хозяйством. Так как, по тѣм же данным, на 1 хозяйство в Европейской Россіи приходится 5,7 душ (для сельскаго населенія), то общее число отдѣльных хозяйств среди

земледѣльческаго населенія Россіи достигает, приблизительно, 13 милліонов. На 13 милліонов земледѣльческих хозяйств (дворов) земельный фонд в 65 милліонов десятин составит в среднем 5 десятин на двор. Итак, прокэтируемая реформа увеличит в среднем земельное обезпеченіе крестьянскаго двора на 5 десятин земли; увеличеніе весьма значительное, в особенности, если принять в соображеніе, что приведенная средняя цифра отнюдь не выражает собой дѣйствительнаго расширенія земельного обезпеченія малоземельнаго крестьянскаго двора, ибо часть крестьян, владѣющих уже и теперь земель в размѣрах значительно выше средняго, не получит никакого приращенія своего земельного обезпеченія и зато тѣм значительное расширится земельное обезпеченіе остальной, бѣднѣйшей, части крестьянскаго населенія.

Выигрыш крестьянскаго населенія ясен—земельное обезпеченіе крестьян увеличится, приблизительно, на 50% своей теперешней площади. Этот добавочный земельный фонд пойдет на пользу, главным образом, той части земледѣльческаго населенія, которая в настоящее время всего болѣе страдает от малоземелья. Правда, крестьяне получат землю не даром и должны будут за нее платить. Но платить они будут гораздо меньше, чѣм платят теперь при арендованіи земли. Чудовищ-

ныя цѣны продовольственной аренды исчезнут и крестьянин будет платить за землю лишь в соотвѣтствіи с ея дѣйствительной доходностью. Не нужно упускать из виду, что в настоящее время крестьянин платит нерѣдко гораздо больше того, что получает землевладѣлец, — именно благодаря существованію посредничества, передачи арендуемой земли, арендная плата достигает для крестьянина ни с чѣм несообразной высоты. Все это прекратится, — за умѣренную плату в пользу государства, иначе говоря, всего общества, крестьянин будет пользоваться землей не на правах случайной аренды, а как вѣчнонаслѣдственной арендатор государственной земли, — иными словами, почти как полный хозяин.

Выгоды болѣе зажиточной части крестьян будут также существенны. Улучшеніе границ крестьянской земли, нормальное снабженіе ея угодьями, должны пойти на пользу всего крестьянскаго общества, как цѣлаго. Что касается до других общественных классов, экономическое существованіе которых не основывается непосредственно на земледѣліи, то класс промышленных рабочих выиграет, во первых, в том отношеніи, что увеличеніе зажиточности крестьянскаго населенія уменьшит наплыв крестьянскаго населенія в город и ослабит конкуренцію на рабочем рынкѣ; с дру-

гой же стороны, промышленные рабочіе, как и вообще все населеніе страны, выиграют от того, что прирост земельный ренты будет идти на пользу всего общества, а не только класса землевладѣльцев.

Что касается до потерь землевладѣльцев, земли которых будут выкуплены, то потери эти будут далеко не так велики, как это может показаться с перваго взгляда. Прежде всего, не нужно упускать из виду чрезвычайно важнаго обстоятельства, что и теперь значительная часть частновладѣльческой земли находится в арендѣ у крестьян. Притом, крестьяне арендуют у владѣльца весьма часто не непосредственно, но через посредство крупнаго арендатора, который передает крестьянам земли по значительно вышшим цѣнам, чѣм тѣ, которыя он сам уплачивает владѣльцу. Поэтому, потеря землевладѣльцев от установленія арендной платы крестьян на основѣ дифференціальной ренты должна быть, как сказано, гораздо меньше, чѣм выигрыш крестьян, ибо землевладѣльцы получают нынѣ лишь часть денег, уплачиваемых за землю крестьянами (остальная часть остается в руках посредников). Общая земельная площадь, арендуемая крестьянами прямо или через посредников у землевладѣльцев весьма велика. Покойный Ка-

рышев вычислял ее в 50 миллион десятин для Европейской Россіи. Но, повидимому, расчет этот преувеличен и болѣе строгіе подсчеты сводят эту площадь к 40 мил. дес. Если остановится на этой послѣдней цифрѣ, то окажется, что почти $\frac{2}{3}$ земель, которыя, согласно моему проекту, должны отойти в пользованіе крестьян, состоят и теперь в их пользованіи (ибо в аренду сдаются преимущественно, подлежащія выкупу, земли средних и крупныхъ владѣльцев).

При выкупѣ имѣнія, уже находящагося в арендѣ, вопрос о выгодности всей операціи опредѣлится для землевладѣльца очень просто — сравненіем денежных сумм, получавшихся владѣльцем с имѣнія до и послѣ выкупа. И, как это ни странно, но проектируемый выкуп, хотя он и будет сопровождаться значительным пониженіем арендных плат, нынѣ уплачиваемых крестьянами, может в нѣкоторых случаях даже повысить доход землевладѣльца. Этого можно ожидать при выкупѣ сильно заложенных имѣній. Возьмем, напр., предположительный случай, соотвѣтствующій, однако реальным условіям в какой либо мѣстности. Пусть, напр., имѣніе в Полтавской губерніи заложено, в общей суммѣ, за 150 р. на десятину, и пусть за этот долг владѣлец платит 6⁰/₀ годовых — итого 9 р. в год.

Кромѣ платежа процентов, владѣлец должен платить поземельных сборов разнаго рода около 1 р. с десятины. Имѣніе сдано в аренду, скажем, за 10 р. в год с десятины. При таком положеніи дѣла земля ничего не дает владѣльцу и весь доход с нея уходит на платеж процентов по долгу и налогов.

Допустим теперь, что земля эта выкупается государством из 7 р. годоваго платежа за десятину. Капитализируя этот годовой платеж из 4%, мы получаем капитальную сумму в 175 р. за десятину. Государство погашает долг в 150 р. и за избыточную сумму цѣнности имѣнія уплачивает владѣльцу 1 р. в год (остальные 6 р. идут на оплату процентов по погашенному долгу). Владѣлец получает доход с выкупленнаго имѣнія, которое до выкупа ничего ему не приносило.

Владѣльцы незаложенных или малозаложенных имѣній, конечно, потеряют. Так, вернувшись к прежнему примѣру, доход нашего землевладѣльца, если его имѣніе не заложено, послѣ выкупа понизится с 9 до 7 рублей; но зато это будет вѣрный, вполне обезпеченный доход, между тѣм как теперь полученіе его подвержено весьма значительному риску.

Правда, если вычислять цѣнность имѣнія не по его доходности, а по господствующей в на-

стоящее время денежной цѣны земли, то при выкупѣ землевладѣльцы пострадают довольно значительно; при среднем доходѣ около 10 р. с десятины, земля в Полтавской губерніи продавалась за послѣдніе годы свыше 300 р. за десятину, а при проектируемом выкупѣ она будет расцѣниваться, согласно предположенію, лишь в 175 р. Но вѣдь землевладѣлец, сохранявшій имѣніе в своих руках, никакой выгоды от высокой цѣны земли не получал и его расходной бюджетъ опредѣлялся не цѣной земли, а чистым доходом с его имѣнія. Денежная цѣна земли сильно поднялась за самыя послѣдніе годы, без каких бы то ни было заслуг или пожертвованій со стороны землевладѣльцев. То же самое имѣніе, которое нѣсколько лѣтъ тому назад цѣнилось, скажем, в 150 р. за десятину, теперь стало расцѣниваться в 300 р. за десятину, хотя его чистая доходность возрасла гораздо слабѣе, а, нерѣдко, почти совсѣм не возрасла. Но эта повышенная расцѣнка земли никаких реальных выгод землевладѣльцу, сохранявшему землю в своих руках, не дала, и, слѣдовательно, от пониженія расцѣнки земли он никаких реальных убытков не потерпит. Реальный ущерб его от выкупа всецѣло опредѣляется сокращеніем его дохода, которое, как указано, не может быть значительным.

Дѣло представляется в другом видѣ, если имѣніе не в арендѣ и на нем ведется собственное хозяйство. В этом случаѣ землевладѣлец должен ликвидировать свое хозяйство, что не может не сопровождаться имущественными потерями. Но, во первых, полная ликвидація хозяйства потребуется лишь для болѣе крупных владѣльцев, менѣе же крупные могут продолжать свое хозяйство, хотя и в сокращенном размѣрѣ. Во вторых, не нужно забывать, что только $\frac{1}{3}$ выкупаемых частновладѣльческих земель не находится в арендѣ. И, в третьих, если бы даже потери отдѣльных лиц и были сами по себѣ значительны, онѣ должны быть признаны совершенно ничтожными сравнительно с огромными выгодами массы населенія.

Возможно и обратное возраженіе против предлагаемой реформы, — многіе могут найти, что она недостаточно выгодна для крестьян, которым земля должна перейти под условіем взноса платежей, гарантируемых государством землевладѣльцам.

На это я отвѣчу, что самый принцип оплаты дифференціальной ренты я считаю безусловно справедливым. При наличности, с одной стороны, качественного различія земельных участков и, с другой стороны, пользованія этими участками от-

дѣльными лицами, оплата всему обществу дифференціальной ренты с этих участков есть единственное средство избѣгнуть грубой несправедливости и неравенства в распредѣленіи естественных богатств страны между отдѣльными лицами. Если крестьянин ничего не будет платить обществу за землю, которую он получил от общества и которой он пользуется в своих личных интересах, то какое нравственное право будет он имѣть на владѣніе этой землей? Почему данный земельный участок должен находиться в пользованіи именно этого крестьянина, а не всякаго другого, кто пожелал бы этим участком завладѣть? Если бы земля раздавалась даром всѣм желающим, то никто не согласился бы довольствоваться худшими участками земли; поэтому, только введеніе платы за пользованіе землей может сдѣлать распредѣленіе земли между отдѣльными лицами справедливым.

Итак, оплата дифференціальной ренты должна сохраниться до тѣх пор, пока сохраняется индивидуальное земледѣльческое хозяйство. Крестьяне должны возвращать государству (или болѣе узким общественным организаціям, напр., земству, — в разсмотрѣніе этого вопроса, как совершенно второстепеннаго в данном случаѣ, я не вхожу) весь тот чистый избыток земледѣльческаго дохода,

который образует собой дифференціальную земельную ренту. Только при этом условіи общественные классы, не получившіе земли (напр., промышленные рабочіе), равно как и та часть земледѣльческаго населенія, которая получает земли худшаго качества, могут согласиться на переход земли в пользованіе отдѣльных групп или даже отдѣльных лиц трудового земледѣльческаго класса.

В вопросѣ об условіях выкупа частновладѣльческой земли заинтересованы, слѣдовательно, не столько крестьяне, в руки которых эта земля перейдет (ибо, на каких бы условіях ни совершился выкуп, крестьяне будут уплачивать обществу одну и ту же дифференціальную ренту), сколько все общество, как цѣлое. И, конечно, чѣм ниже платежи государства землевладѣльцам, тѣм больше остается в пользу всего общества. С точки зрѣнія чистой справедливости нельзя возражать против любого пониженія этих платежей. Но точка зрѣнія чистой справедливости не всегда совпадает с точкой зрѣнія практической осуществимости извѣстной реформы при данном соотношеніи общественных сил. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы земельная реформа могла быть достигнута, в ближайшем будущем, в какой бы то ни было формѣ, если интересы средняго и круп-

наго землевладѣнія совсѣм не будут приняты во вниманіе. Приведенный план земельной реформы именно потому и кажется мнѣ имѣющим шансы пройти в жизнь, что при нем огромныя выгоды крестьянскаго хозяйства не покупаются раззореніем землевладѣльческаго класса.

А что выгоды эти должны быть, все же, громадны, в этом можно убѣдиться хотя бы на прежнем предположительном примѣрѣ. В Полтавской губерніи крестьяне еще очень недавно охотно покупали землю при посредствѣ Крестьянскаго банка, по 300 р. за десятину (теперь, за сокращеніем дѣятельности банка, крестьянскія покупки почти прекратились). Крестьянскій банк взимает за свои ссуды, с погашеніем, $5\frac{1}{4}\%$; слѣдовательно, если бы банк выдавал ссуды в полном размѣрѣ покупной суммы, то и то полтавским крестьянам приходилось бы уплачивать за землю 15 р. 75 к. с десятины; но так как крестьяне должны дѣлать доплаты из своих средств и для этого занимать деньги у частных лиц, то их дѣйствительные платежи обыкновенно весьма значительно превышают эту сумму. При проектируемом выкупѣ помѣщичьей земли платежи крестьян за выкупаемую землю, если установить их в размѣрѣ 7 р. с десятины, не достигали бы и половины тѣх, на которые крестьяне охотно соглашались при добровольной покупкѣ земли.

Таковы мѣры, предлагаемыя мною относительно частнаго землевладѣнія. Но кромѣ частных земель, у нас есть еще земли казенныя и крестьянскія надѣльныя. Казенныя и удѣльныя земли, естественно, должны войти в состав національнаго земельного фонда, причем лѣса должны эксплуатироваться непосредственно государством, а полевая земля, площадь которой все должна расширяться благодаря расчисткѣ лѣсов, должна перейти в пользованіе трудящихся земледѣльцев. Что же касается до надѣльных крестьянских земель, то онѣ должны быть приравнены во всѣх отношеніях к частному землевладѣнію (за сохраненіем, разумѣется, прав общины). Всѣ ограниченія крестьянскаго землевладѣнія должны быть отмѣнены и крестьянам должно быть предоставлено такое же право свободно распоряжаться своей землей, как и всѣм остальным землевладѣльцам. Но, конечно, крестьянскія надѣльныя земли должны подлежать и тѣм ограниченіям, которыя вообще устанавливаются для частнаго землевладѣнія: на них должно распространяться регулированіе арендной платы и право преимущественной покупки государством.

Наш крестьянин требует земли. Землю ему нужно дать. Но было бы грубой несправедливостью по отношенію к неземледѣльческой части

населенія, если бы земля, выкупленная у частных владѣльцев, была передана в частную собственность отдѣльных крестьян или хотя бы крестьянских общин. Выкупленная земля должна образовать не подлежащій отчужденію в частныя руки національный земельный фонд, которым общество могло бы располагать в интересах всего народа. Только такое рѣшеніе нашего аграрнаго вопроса могло бы встрѣтить сочувствіе как со стороны народной массы, так и со стороны тѣх партій, для которых мелкая собственность и мелкое производство всего менѣе являются идеалом. Народное сознаніе имѣет свои права. Можно не сочувствовать мелкому крестьянскому хозяйству и признавать высшей формой производства свободную ассоціацію производителей; но не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что для массы трудящагося земледѣльческаго люда, идеалом является в настоящее время собственное самостоятельное хозяйство, своя корова и своя лошадь, свой дом и свое поле. С этим нужно считаться и столь ясно выраженной народной волѣ нельзя не подчиниться. Но тѣм важнѣе отстоять возможность развитія в будущем высших форм производства; потому то и необходимо сохранить выкупаемую землю за всей націей, а не за отдѣльными лицами (хотя бы и

трудовыми земледѣльцами или группами их). Крестьянскій идеал собственнаго хозяйства отнюдь не требует хозяйства на собственной землѣ; $\frac{4}{5}$ русских крестьян — общинники, ведущіе хозяйство не на своей личной, а на общинной землѣ, размѣр которой во владѣніи cadaго общинника измѣняется при каждом передѣлѣ. Этот общинный принцип должен получить примѣненіе и при осуществленіи предлагаемой земельной реформы: не только в предѣлах общины, но и между отдѣльными общинами выкупленная земля должна, в случаѣ надобности, поступать в передѣл. Предлагаемая реформа вполне гармонирует с общинными идеалами нашего крестьянства и в этом лучшій залог ея осуществимости. Правда, она далеко не рѣшает соціальнаго вопроса и я чужд всяких иллюзій на этот счет. Но она кажется мнѣ одним из этапов на пути к такому рѣшенію, и лишь в качествѣ такового я смѣю предлагать ее общественному вниманію.

СП6Г

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ГЛАВА I. Теоретическое вступленіе	1
ГЛАВА II. Раннее движеніе	14
ГЛАВА III. Новѣйшее движеніе	38
ГЛАВА IV. Ирландское аграрное законодательство. .	71
ГЛАВА V. Критическая оцѣнка движенія	93
ГЛАВА VI. Земельная реформа и социалдемократія .	114
ГЛАВА VII. Земельная реформа в Россіи.	138
